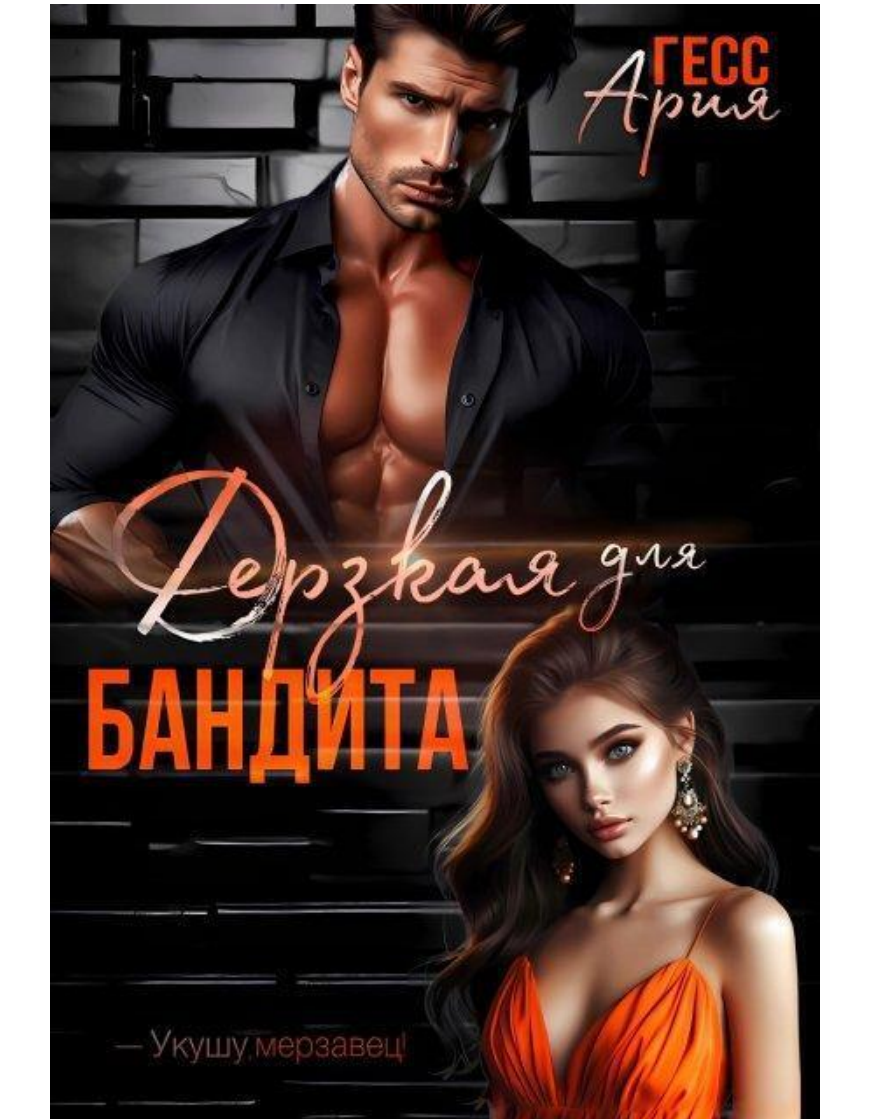

A man and a woman are featured in a dark, industrial setting with a brick wall background. The man, in the upper half, is muscular and wears a black shirt that is open at the chest. The woman, in the lower right, has long brown hair and wears a bright orange dress. The overall mood is dramatic and sensual.

ГЕСС
Армия

Дерзкая для
БАНДИТА

— Укушу мерзавец!

Ария Гесс

Дерзкая для бандита

<https://litres.ru/74203839>

Аннотация

— Ну, здравствуй, Беслана, — удивляет бандит знанием моего имени, подбираясь медленно, грациозно, словно барс к антилопе. Я ему покажу, какая я антилопа! Век не забудет вкуса.

— Иди к черту! — плюю ему под ноги, замечая, как желваки на его скулах начинают ходить ходуном. — Если не хочешь в следующий раз это обратно вылизать, то больше так делать не будешь, усекла? — одним лишь его тоном можно убивать людей. И сейчас мне выстрелили прямо в голову.

Моя жизнь перевернулась с ног на голову, когда я стала невольной свидетельницей преступления одного очень влиятельного бандита. И нет бы держать язык за зубами, я разозлила его, сделав следующей целью по избавлению — себя.

В книге присутствуют: властный герой, дерзкая героиня, от ненависти до любви, бандиты, остросюжетка, очень откровенно, брак по принуждению

Подробнее о ВИПАХ можно прочитать тут:

Аси и Макса тут: История

Севера и Серафимы: История

воспитанника Севера:

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	44
Глава 5	48
Глава 6	52
Глава 7	58
Глава 8	66
Глава 9	69
Глава 10	76
Глава 11	88
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Пролог

Голова кружится от одного бокала шампанского, невольно заставляя вспомнить предостережения отца относительно выпивки в ночных клубах.

В кои-то веки выбралась! Вечная охрана, вечные запреты... в пекло!

— Лана, пошли танцевать, — тянет подруга за руку, но я отмахиваюсь от неё, чувствуя, что со мной явно что-то не так: зрение затуманено, дышать трудно, сознание размыто.

Спрыгиваю с барного стула и, качаясь, по стенке дохожу до туалета.

Понимаю, что нужно вызвать рвоту, пока не поздно.

Как назло, все кабинки заняты... Нет времени ждать! Пока эта гадость окончательно не всосалась в мой организм.

Выбегаю на улицу и жадно хватаю ртом воздух.

— Тебе плохо? — спрашивает незнакомая девушка, лицо которой даже рассмотреть сложно.

— Туалет...

— О, малыха, пошли со мной, — берет меня под руку, за что в этот момент я ей не то что благодарна... новенькую Bentley отдать готова. — Я тоже постоянно бешусь, когда запираются в туалете, чтоб потрахаться, а нам даже пописать негде. Так что не переживай, доведу куда надо.

И в этот момент я ей так верю. Голос кажется таким неж-

ным, добрым...

Смаргиваю морок с глаз и даже немного прихожу в себя, когда оказываюсь посреди темной улицы совершенно одна.

Сознание тут же подкидывает обрывки воспоминаний из далекого прошлого, о котором мечтаю забыть, автоматом вызывая рвотный рефлекс.

Ну вот, и пальцы не понадобились...

Сижу на корточках несколько минут, пока не начинаю чувствовать себя лучше. Полностью очухавшейся себя, конечно, не ощущаю, но хотя бы в адеквате.

Оглядываюсь и не могу понять, куда идти. Телефона нет, людей на улице тоже.

— Черт возьми! — пинаю валяющуюся жестяную банку, а затем прислушиваюсь и... за ее грохотом об стену слышу... крики?

Подсознательно считаю себя кошкой, потому что в эту же секунду вместо того, чтобы тикать подальше, бегу в сторону мольбы о помощи.

Ну не может дочь министра внутренних дел спокойно относиться к бесчинствам в городе. Особенно, когда слышит, что в ней нуждаются. Даже не просто нуждаются... кажется, кого-то убивают.

Добегаю до склада и осторожно открываю дверь. Сквозь щель рассматриваю огромного мужчину в черной рубашке, брюках и... кедах? Модник нашелся.

Игривая фраза, мелькнувшая в голове, тут же сменяется

паническим страхом, когда я вижу, как он отходит в сторону, открывая обзор на прикованного к стулу полуживого человека. Он стонет и кричит о помощи, но бандит хладнокровно подходит к столу, берет с него нож и, развернувшись, одним взмахом вонзает его в голову сидящего.

Нутро сжимает от неподдельного ужаса. Цепенею от увиденной жестокости и забываю, как дышать. Слезы градом стекают по щекам, но шок всё равно заставляет продолжать находиться в прежнем состоянии.

Где гребанный инстинкт самосохранения, черт тебя дерит?!

Закрываю рукой рот, чтобы не издать ни звука.

И, кажется, теряю сознание, когда бандит поворачивается и вонзает свой острый взгляд в мой мелькающий между проемом глаз. Голова туманится, и я заваливаюсь назад, судорожно пытаюсь перебирать ногами, но их будто невидимыми путами сплели. Я иду и спотыкаюсь. Встаю и снова падаю. Делаю глубокие вдохи, но, кажется, сегодня я наказана, и кислород мне не светит.

Хватаюсь за горло, расстегивая пуговицы ненавистой рубашки. Не замечаю, как срываю несколько их них, лишь бы вдохнуть...

Боюсь умереть от страха, нехватки кислорода, гадости, которую мне подсыпали, а в итоге умираю в моменте, когда слышу совсем близко за своей спиной:

— Рыпнешься, распотрошу и собакам скормлю.

Стою не двигаясь. И не потому что пригрозили. А потому что колени трясутся так, что сил идти нет.

— Развернись, — строгое.

И я повинуюсь. Снова встречаюсь с гипнотическими черными глазами и успеваю заметить, что этот дьявол невероятно красив. Таким только в аду на подиуме стоять.... Сознание окончательно туманится, и его лицо начинает плыть...

— Твою мать..., — слышу последнее, прежде чем наступает чернота.

Открываю глаза в каком-то темном подвале. Голова раскалывается, но сознание, на удивление, приходит в норму. Я четко вижу помещение, грязь под каблуками... Оглядываю себя и отмечаю порванную рубашку. Воспоминания больно бьют в голову, напоминая о событиях «до».

Черт подери, умудрилась же вляпаться.

— Очухалась? — слышу в темноте голос, а потом, когда он делает шаг на свет, заполняя пространство мрачной аурой, уже и вижу вчерашнего бандита.

Сердце снова начинает исполнять похоронный марш в ускоренном ремиксе, но, на удивление, сегодня не так страшно. Хочется понять, что ему от меня нужно и как действовать дальше, чтобы выбраться.

Папа наверняка начнет меня искать уже утром. Мне нужно всего лишь время потянуть.

— Ну, здравствуй, Беслана, — удивляет бандит знанием моего имени, подбираясь медленно, грациозно, словно барс

к антилопе.

Я ему покажу, какая я антилопа! Век не забудет вкуса. Траванется так, что свет белый видеть не захочет.

— Иди к черту! — плюю ему под ноги, замечая, как желваки на его скулах начинают ходить ходуном.

— Если не хочешь в следующий раз это обратно вылизать, то больше так делать не будешь, усекла? — одним лишь его тоном можно убивать людей. И сейчас мне выстрелили прямо в голову.

Сильно сжимаю пальцы на ногах и громко сглатываю.

«Веди себя вежливо, Лана! Нужно время!» — мысленно проговариваю в голове, а затем, выдохнув, спокойно продолжаю.

— Что вам нужно от меня?

— Мне? От тебя? — смеется подлец, — Что мне от тебя может понадобиться? — его взгляд темнеет, а улыбка сходит на нет, когда он достает платок, а из него окровавленный нож.

Сжимаю себя руками, снова чувствую подкатывающее ощущение отчаяния и страха. Ненавижу эти слабости! С того самого дня ненавижу их испытывать! И ведь обещала себе больше не делать так!

— Вчера ты увидела то, чего не должна была. Как думаешь, зачем ты здесь?

— Явно не чтобы вам задницы подтирать! Чего тянешь кота за хвост? Деньги? Молчание? Что нужно? У меня вли-

ательный отец, так что...

Не успеваю я договорить, как он резко вытаскивает уже другой нож и кидает в меня. Руку пронзает дикая боль. Смотрю на рану и вижу — нож задел по касательной и воткнулся в стену позади меня.

Страх возвращается и обретает новую силу, когда понимаю, что деньгами, как в любых других ситуациях, я не откуплюсь. Поэтому меняю тактику.

— Не убивайте! Я никому не скажу о том, что тут видела... — пытаюсь договориться.

— Не убью... язык отрежу, чтоб неповадно было. Да и сосать тебе это не помешает, — ошарашивает бандит, заставляя инстинкт самосохранения окончательно улететь к чертям.

— Верно. Не помешает. Как и отгрызть твой чл*н с корнем, — выпаливаю не подумав, а затем начинаю медленно отступать, мечтая слиться со стеной, врасти в неё, только бы не тронул, не привёл угрозу в действие.

— Ну всё, сучка болтливая, доигралась.

Добро пожаловать в мою новинку!## Нас ждут приключения, противостояние характеров героев, а также их «откровенно-вкусная» история любви#####

Ставьте книге звездочку, добавляйте книгу в библиотеку и подписывайте б на меня, чтобы быть в курсе новостей,

розыгрышей, визуалов и других новинок##

Поехали!♥#####

Глава 1

Глава 1

Лана

Быстро перебирая ногами, бегу по лестнице головного кампуса своего университета.

В сотый раз думаю о том, насколько идиоткой нужно было быть, чтобы поступить на экономический факультет, абсолютно точно имея гуманитарный склад ума.

Что ж.

Одна из тех многих вещей, которые я делаю потому что «нужно», а не потому что «хочу».

Иногда чувствую себя членом королевской семьи, для которой жизнь — запланированный пошагово показ мод, где они — главные манекены, а их поступки — самые обсуждаемые вещи сезона.

Будучи дочерью министра, не сильно-то и отличаюсь, за одним лишь исключением... Я с такой жизнью никогда не соглашалась раньше и впредь не собираюсь.

Вопрос лишь в реализации, над которой я столько лет работаю, но подходящий случай все не приходит...

Бедро отдает вибрацией по всему телу. Забыла, что вы-

ключила звук на телефоне. Тяну руку в карман своих широких классических брюк красивого розового цвета и достаю мобильник.

«Папочка».

— Привет, пап, сессию сдала. Хочу, наконец, отдохнуть, — отчитываюсь отцу о последнем и, несмотря на внутреннее неприятие, успешно сданном экзамене.

Дико устала, так как просидела в аудитории почти восемь часов. На улице уже стемнело... Поэтому не удивляюсь, когда смотрю на новенькие часы «грэс» и вижу девять вечера.

— Я много раз говорил тебе, сейчас очень опасно. Близится смена власти в криминальных кругах, поэтому бесчинств куча. Я постоянно на работе, не могу следить за тобой и очень волнуюсь, — голос отца тихий и кажется усталым.

— Когда-нибудь я смогу жить свободно? Или меня всю жизнь ждет золотая клетка, пап? — сбрасываю звонок, не дав ему ответить, потому что уже знаю ответ на свой вопрос.

Однако знать — не значит смириться.

Сажусь в свою новенькую красную спортивную малышку, завожу и с ревом выруливаю из университетской парковки. В зеркало заднего вида наблюдаю свою круглосуточную охрану и недовольно закатываю глаза.

Гонку что ли устроить назло этим бесячим?

Выжимаю педаль своей гоночной принцессы и моментально отрываюсь от черных тонированных внедорожников. Адреналин бурлит в крови, заставляя почувствовать хоть ка-

кое-то подобие жизни. Имитирую жалкую пародию остросюжетного кино, пока ещё могу себе это позволить.

Точнее. Пока отец позволяет мне.

Оторвавшись, поворачиваю на рандомную улицу, делаю несколько крюков, а затем оставляю машину у обочины и прыгаю в такси.

Улыбка натянута до ушей, когда сижу в салоне и пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. Только в такие моменты я ощущаю, что живу. Только будучи свободной я могу дышать полной грудью.

— Девушка, вам куда? — спрашивает мужчина азиатской внешности.

Недолго подумав, называю адрес популярного ресторана, в который много раз ходила.

Дико хочется есть, да и возможности охранников отлично представляю. Найдут быстро, даже отдохнуть не успею, поэтому, напивав свое эго адреналином, еду получать физическое насыщение.

Расплатившись с таксистом, выхожу на улицу, встречающую меня легким теплым ветерком и мнимым ощущением безопасности.

Почему мнимым?

Потому что несмотря на все свое безрассудство, когда-то давно улица показала мне, насколько жестокой она может быть к тем, кто ее недооценивает.

Захожу в ресторан, внешне напоминающий замок в эпо-

ху средневековья, внутри которого царит аура венецианской роскоши: бархат, изумрудные и бордовые цвета, тёмный дизайн с серебряными акцентами и огромные хрустальные люстры.

— Здравствуйте, мисс! — приветствует хостес. — Вам как обычно?

— Нет, не хочу в свою кабинку, сегодня я буду в общем зале.

— Эмм, хорошо, — запинаясь девушка, сжимая тонкие, накрашенные красной помадой, губы. — Только хочу сразу предупредить, что сегодня в нашем ресторане отмечает важное событие очень влиятельный человек. Общий зал был полностью забронирован им. Безусловно, вам мы место выделим, но... возможно, вам будет неудобно.

— Остановитесь, — перебивает девушка, хотя и не планировала этого делать, поэтому извиняюще улыбаюсь ей и смягчаю интонацию на умоляющую, — я дико голодная и хочу есть, наконец, за стол в общем зале. Других пожеланий нет. Проведете?

— Простите, — нервничает девушка, вызывая у меня неприятное ощущение вины где-то в груди. Черт, все-таки задела ее. Не умею я вовремя остановить вечно рвущуюся наружу грубость, а потом сама же страдаю...

Да уж. Видимо, поговорку «язык мой — враг мой» придумали исключительно для меня и про меня.

— Ничего, я просто правда есть хочу, — говорю по пути

к залу и продолжаю улыбаться, отчего уже челюсть сводит.

Когда останавливаюсь на входе и оглядываюсь, понимаю, почему девушка пыталась меня отговорить.

Если бы не вечный самоконтроль на публике, то я бы уже стояла, разинув рот в очевидном для всех аху.. удивлении.

А все из-за заполненного зала молодыми накаченными парнями, которые хамовато горланят и лапают сидящих у них на коленях проституток.

И сейчас все эти похотливые лица направлены в одну сторону. Мою.

Черт...

Лучше бы в кабинку пошла.

Стараясь не замечать сальных взглядов, криков и шепотков, прохожу к столу. Захотела свободы, выхода из зоны комфорта — получай.

Как вообще директор ресторана допустил развести у себя такой балаган, ума не приложу?!

Затылок жжет от какого-то маниакального ощущения стороннего взгляда на себе. Заглядывая в меню, терплю до последнего, чтобы не повернуться.

Я выдержу. Спокойно поем среди людей без надоедливой охраны и поеду домой.

Так... Тартар из дорадо с авокадо, жареные артишоки, хумус с печеным бататом... Спину жжет с той же силой. Я отчетливо ощущаю, что на меня смотрят! Нутром чувствую!

Цыпленок с кус-кусом...

К черту!

Разворачиваюсь и бегло оглядываю присутствующих. А затем цепляю взглядом верхнюю террасу. Развалившись на огромном кресле, я вижу, как, уперев лицо одной рукой, в мою сторону смотрит мужчина. Не вижу его лица, так как освещение в ресторане приглушенное, но ощущаю его гипнотическое воздействие. Сглатываю собравшуюся во рту слюну и отворачиваюсь.

Нервно сжимаю в руке меню и ощущаю некое... волнение?

Мне что, нравится?

Не успеваю это точно понять, потому что отвлекаюсь на голос официантки.

— Это подарок от хозяина вечера. Попросил передать, что заказал вам то же самое, что и себе. Еще он просил передать, чтобы вы ощущали себя здесь комфортно и заказывали все на ваш вкус. За его счет.

Рот раскрывается в беззвучном удивлении, когда девушка ставит передо мной Пина Коладу и нарезанный ананас рядом.

Что за «подарок» такой ещё?

Во-первых, заказывать девушке еду в ресторане — это даже не муветон, это андеграунд какой-то!

Во-вторых, ананас? Черт возьми, пина колада? То же, что и ему? Вот же засранец! И, возможно, я бы даже нормально отреагировала, если б Леха на лекциях не кричал во весь

голос, что специально ест со своей девушкой ананасы, чтобы... цитирую: «она с удовольствием глотала мою сперму, а я упивался ее киской».

Волна протеста прокатывается по всему организму. Ощущая себя... униженно. Думал, что я... брать в рот у него буду? Кошмар какой!

Нервно выдыхаю, до боли вонзаясь ногтями в сжатые кулаки. Ещё и это его «за его счет».

Ты кем себя возомнил, придурок?

Поднимаюсь, с шумом отодвигая стул, отчего скрежет о плитку слышен на весь зал, разворачиваюсь и гневным взглядом впериваюсь в сидящего напротив грубияна.

— Он? — киваю девушке, на что она кивает.

— Пожалуйста, уберите это сейчас же и принесите мне... стейк с кровью, пожалуйста.

Сейчас я тебе устрою, уродец. Сжимаю в кулаке салфетку, после чего стряхиваю невидимые пылинки со своих брюк и, делая большие уверенные шаги, направляюсь в сторону туалетной комнаты. Специально громко цокаю каблуками, привлекая на себя внимание.

Пусть смотрит на то, что никогда ему не достанется. Отсасать ему? Да я скорее сдохну.

Захожу в туалет, открываю сумочку и достаю оттуда карандаш для губ. Прости, любимый, жертвую тобой ради благой цели — отмщения во имя справедливого распределения социальных слоев населения.

Простыми словами — ублюдка на место ставлю.

Привыкли, скотины, вести себя как господа. Я сейчас покажу тебе, как принижать чьей-то достоинство. Царапаю на салфетке записку, после чего достаю изо рта жвачку и клею сзади. Распределяю равномерно, растягивая. Так, чтобы уж наверняка.

Возвращаюсь к столу и вижу официантку со стейком. Прохожу, сажусь на свое место и с остервенелостью вонзаю нож в стейк, представляя на месте мяса — лицо ублюдка. Потрошу так, что это становится похожим на месиво. А потом вонзаю сверху нож и довольно смотрю на свое творческое произведение.

— Спасибо огромное, но можете отнести это тому мужчине? И записочку, — кладу ее легонько на поднос, который был у официантки, так, чтобы не прилипла к дну. На ее непонимающий взгляд, тут же вру, — мы с ним давно знакомы. Решили разбавить сексуальную жизнь и закатили ролевые... Ну вы поняли. Так что я тут, потому что у нас, — делаю серьезное выражение лица, — первое знакомство, — а потом подмигиваю ей. — Только пусть сам возьмет, не хочу, чтобы другие видели...

Девушка скептически оглядывает стейк и мнется.

— Добавьте в счет своих чаевых один ноль.

Действует, как всегда, стопроцентно. Она выдыхает и согласно кивает, после чего направляется в его сторону.

Сердце отбивает чечетку в один тон со стуком ее каблук-

ков. Адреналин снова вспыхивает в крови, и я уже думаю, что не нормально желать испытывать его постоянно. Однако это не просто желание... Это какая-то жизненно-необходимая потребность.

Мысленно считаю про себя барашек, пока не слышу гневное:

— Блять!

Не могу отказать себе в удовольствии развернуться. После чего вижу очертания того, как он нервно отдирает мою жвачку от руки.

Следом замечаю испуганную официантку, которая стреляет в меня гневным взглядом и скрывается в служебном помещении.

Ну что ж. Не поем я сегодня. Встаю со стула, беру сумочку и уже хочу уйти, как меня останавливает холодное:

— Поднимитесь наверх сами или поможем.

Стою на месте, не разворачиваясь, и громко, холодно произношу.

— Я выбираю третий вариант. Домой уйти, — делаю шаг вперед, но тут же ощущаю тяжесть чей-то мерзкой руки на своем плече.

— Абориген, вижу, слова ты плохо воспринимаешь, — разворачиваюсь, охреневая от такой наглости, и автоматом сдирая с себя его руку. — Тебе по пальцам объяснить? — показываю ему средний, — видишь его? Так понятнее?

Бандит скалится, а потом резко делает присед и закиды-

вает меня на свое плечо.

— Ты совсем охренел? Живо поставь меня на место! — избиваю его спину руками, но ему, кажется, все равно.

Он лишь смеется и говорит то, после чего я больше никогда не захочу сбегать от охраны, чтобы почувствовать себя свободной... Свободной — это значит быть уязвимой. Прав был папа.

Глава 2

Глава 2

Радмир

Делаю глубокую затяжку, чувствуя, как чертов никотин заполняет лёгкие до упора, а затем, откинув голову, медленно выдыхаю.

Сегодня решил собрать своих быков, чтобы дать им, наконец, немного расслабиться.

Последние деньки знатно нас всех потрепали. Попытка левых уебков отобрать мою власть в столице хоть и закончилась для них плачевно, ущерб они все же нанесли. Но отличная еда и трах восстановят мужиков лучше всяких больничек.

Специально купил для этого ресторан. Мне было важно, чтобы мы все поместились, поэтому средневековый замок — лучшая идея для таких головорезов.

Ухмыляюсь.

Ещё пару лет назад я бы постремался этого слова, а сейчас — это моя сущность, моя вторая ипостась, часть меня, без которой уже нет жизни.

— Босс, там девку завели, сказали постоянная их, шишка какая-то, не смогли отказать, — докладывает бык, пока я докуриваю сигарету.

Ахуеваю от наглости как хостес, так и девицы.

Небрежно наклоняюсь и сразу же цепляю взглядом хрупкий силуэт.

На автомате делаю анализ: на правой руке часы с бриллиантами, блик которых невозможно спутать с обычными камнями; брендовая, идеально сидящая одежда, сумка и туфли; длинные шоколадные волосы уложены в, как женщины привыкли думать, идеальные волны, которые, по их меню должны вызывать у мужчин восторг.

Хотя по факту нахуй нам не всралась их забитая лаком солома. Естественные волны и природная небрежность — вот, что действительно сексуально.

Скользну взглядом по правой ладони... кольца нет. Одна. Когда поворачивает голову, вижу, как смущается от взглядов моих быков. Как поджигает пухлые, накрашенные розовой помадой, губы.

Вся в этом мерзком розовом цвете... Почему-то дико раздражает... и в то же время будоражит. Представляю, как разрываю на ней это уебское тряпье, ставлю на четвереньки и, намотав волосы на кулак, насаживаю на член.

Сам не понимаю, что в ней так цепляет! От этого бешусь ещё больше. Обычно принципиально на баб не смотрю, сами на шее виснут, а тут залипаю, как пацан мамолетный.

И было бы на кого? Мажорка хренова. А как опускают мажорок?

Правильно.

Место показывают.

— Ну пусть сидит, раз «шишка». Асик, надо бы угостить девушку. Закажи наш набор для отсоса, — откидываюсь на спинку и с интересом наблюдаю за реакцией принцессы.

Упиваюсь ее злостью, плещущей со всех ее сочных дыро-

чек. Ядовитая энергетика ярости заполняет все ее пространство, а я пью ее, словно нектар.

Маньяк. Да и похуй.

Наблюдаю за тем, как со скрежетом отодвигает стул и с горделивой осанкой пиздует в «уборную».

Цаца невыебенная.

И не таких ломал.

Пока она сидит в кабинке, почти забываю о ней, однако мажорка нехило так удивляет. Отправляет ко мне официантку с подносом. Даже со своего места вижу торчащий в стейке нож и хищно ухмыляюсь.

А девка-то зубастая... Но я таким зубы стачиваю. Сосать мешают.

— Девушка просила передать вам записку, — тараторит официантка.

Ее голос дрожит, а руки трясутся, из-за чего тарелка на подносе раздражающе звенит.

— Я проверю, — делает шаг Аслан, но я жестом руки останавливаю его.

— Неси, — маню двумя пальцами, и девушка ставит передо мной поднос.

Теперь могу рассмотреть «шедевр» со всех сторон.

Стейк с кровью, больше походящий на месиво, напоминал мне мужика, которого я грохнул утром. Мне не привыкать, принцесса.

Однако интерес подожгла однозначно.

Тянусь рукой к записке и бегло ее читаю.

«Посмотри на мой тебе подарок. Именно это я сделаю с твоим членом, если ты все же захочешь засунуть его в мой рот».

Крепко стискиваю зубы, скалясь, и сжимаю записку в кулаке.

Но ощущаю не мягкость элитной бумаги для салфеток, а...

— Блять! — не выдерживаю и громко матерюсь. Эта сука прилепила к записке жвачку!

Вот же стерва...

— Ко мне, быстро, — рычу быкам, а сам брезгливо отдираю резиновую хуйню.

Но избалованная курица не сдается... Слежу за взмахами ее аппетитной задницы, когда собирается слинять.

Конечно, мои пацаны не дают ей уйти.

Встряла, сучка. Закатываю глаза от воображаемого траха ее дерзкого ротика, а когда снова возвращаюсь к ней, хищно скалюсь...

Стоит такая невыебенная — на лице ни капли страха. Лишь высокомерный взгляд и...

«... по пальцам объяснить? Видишь его?»

Ахуеваю, когда тычет в лицо моему главному головорезу средний палец.

Да что ж ты за ебанутая такая?

Теперь рассматриваю ее не просто как девушку, а как редкий эксклюзивный экземпляр, отличающийся просто катастрофической наглостью...

Конечно, мои быки быстро ее пакуют. Закидывают сочную задницу на плечо и несут ко мне, словно поросенка на вертеле.

Тощего, правда, но от этого не менее аппетитного.

Закидываю ногу на ногу и с нескрываемым удовольствием смотрю на ее трепыхания. Но не успевают ее донести до лестницы, как дверь с грохотом распаивается и помещение заполняют вооруженные до зубов бойцы.

— Девушку поставили, руки за голову! — раздается громогласным эхом грубый голос безопасника.

Да бля-я-я... Мои пацаны держат руки наготове, но сегодня, блять, перестрелки нам не хватало. Ещё и бабы тут...

— Отдайте девку, — спокойно отдаю приказ, даже не встав со своего места, — и ещё... узнай о ней всю инфу: биография, желания, любимая еда, одежда, музыка, все ее страхи и слабости...

Ты все равно ответишь за сегодняшнее, крошка. А тот факт, что тебя ещё и на цепи держат, лишний раз заводит.

Моя цепная девочка... Дьявол в облинии лани...

Глава 3

3 глава

Лана

Впервые в своей жизни я благодарна тому, что папа делает все возможное, чтобы обеспечить мою безопасность.

Если бы сегодня я оказалась не дочкой влиятельного политика, а обычной девушкой, то уже стояла бы в разорванной одежде между ног какого-нибудь уroda.

Представляю, и мурашки по коже бегут...

Запихнув меня в машину, охранники сразу же звонят отцу и включают громкую связь.

Я правда наворотила дел... Даже их осуждающе-испепеляющие взгляды не раздражают. Я их понимаю...

— Прости... — начинаю первая, потому что правда сожалею.

— Ты знаешь вообще кто там был? Ты вообще в курсе,

что... — напрягаю перепонки, выслушивая все ругательства, которые несутся из динамика, — гребаный Радмир Темнов — глава всей мафии столицы, бандит, каких поискать. Я всю структуру веду к тому, чтобы его и тех выродков, что с ним работают, закрыть! А ты! Собственноручно в лапы зверя бежишь! Беслана, ты меня до гроба доведешь! — буйствует отец, а я втягиваю голову в плечи, мечтая слиться с сидением.

— Пап, я ж не знала. Поесть нормально не могу, чтобы рожи охранников не видеть, ну ей Богу, ты можешь меня тоже понять?

— Не могу! — злобно рывкает в ответ. — Даже не проси понять такое безрассудство, когда я прямым текстом говорю тебе об опасности. Мать с ума сойдет, если узнает!

— Ага, на Бали прямо таки это единственное, из-за чего с ума сойти можно, — не знаю зачем, язвлю в ответ, хотя папа в этой ситуации последний, кто виноват.

— Наш развод на тебя никак не влияет. Она любит тебя не меньше, чем я!

— Давай не будем. Переходи сразу к наказанию или встретимся дома?

— Я сегодня не приеду...

— Ну конечно, — не скрываю насмешки, хмыкая. — Даже покушение на убийство и расчленение дочери не заставит великого Эдуарда Салимова приехать, чтобы побыть вместе с ней, — обижаюсь, абсолютно точно осознавая, что веду се-

бя по-детски. Но обидно вообще-то.

— Твоя б воля, и эти покушения были бы по десять раз на день, Беслана! Боюсь, что тогда мы умрем с голоду, если будем отмечать вместе каждое! — не остается в стороне отец.

— Тогда встретимся через неделю! Не забудь отправить со своими шестерками моё наказание! — да простят меня хорошие охранники, которые работают, чтобы заработать денег для семьи, а не которые исподтишка прячутся на меня в душе, крадут мои вещи или докладывают отцу даже о том, что по их мнению я излишне часто заглядываюсь на какого-то парня... Изверги! Нелюди! Звери!

— Я приеду завтра, — выдыхает отец устало, — обязательно проведем весь день вместе. Обещаю. Тем более, мне нужно поговорить с тобой на одну очень важную тему.

Инстинктивно напрягаюсь, но вопросов не задаю. Знаю, что при других не расскажет.

— Люблю тебя, пап, — говорю абсолютнейшую правду, сдавшись великой силе эмоций.

— И я тебя, дорогая. Если бы знала, как сильно...

До дома едем молча. Всю дорогу залипаю в новостной ленте, читая новости о криминальном авторитете Радмире Темнове, но такое имя нигде не светится, однако... Я все равно нахожу нужную мне информацию.

В интернете лишь какие-то сплетни и слухи. И ни одной фотографии...

«А чего ты хотела? Посмотреть красив ли тот, кто чуть

тебя на свой тапок не натянул?»

Брр...

«Криминальный авторитет по кличке «Темный» оккупирует всю зону Москвы и Московской области.

По данным разведывательных служб, с его приходом к власти, уменьшилось количество бесчинств. Однако увеличилось количество «казненных» до вынесения приговора и вступления решений суда в законную силу.

Гуманисты и общественники выдвигают лозунги о запрете самосуда и требовании немедленного заключения под стражу местного головореза.»

Выключаю телефон и кидаю его на сидение. Все закончилось. Больше не высываюсь!

Проехав главные ворота, а после этого пройдя все степени безопасности, захожу в свою комнату и с разбега прыгаю на кровать.

Да уж, этот день не может быть хуже!

Так я думала, пока не взяла трубку внезапно зазвонившего телефона...

— Лана, быстро собирай вещи, ты едешь ко мне! — раздается в динамике холодный голос мамы.

Эвелина Стилл (таковой она стала, когда развелась с отцом и для прикрытия поменяла фамилию) — светская дама и по совместительству моя мать, для которой нет ничего важнее ее внешнего вида и количества девяток на счету.

После развода она быстро нашла папе замену и уехала с

ним жить на острова. Может показаться, что я виню ее в этом, на деле же просто негодную от осознания того, что именно мне досталась такая мать.

Что ж.

Зато все компенсируется вниманием отца.

Поэтому сейчас, когда она так внезапно звонит, становится действительно интересно. Что же такого она узнала, что заставило ее пройти сквозь выстроенную между нами годами стену холода?

— С чего вдруг? — спокойно отвечаю, откинувшись на подушку.

— Мне рассказали про твою выходку! Ты даже не представляешь, что это за человек! Он отца своего убил, чтобы место босса в бандитском мире получить, а теперь ты попала ему под руку! — обычно спокойный и отстраненно-холодный голос матери обрывает ядовитые эмоциями краски.

Чудное зрелище. Видеть беспокойство от матери — действительно прекрасно.

— У меня охраны разве что на зубах нет, мам. С чего такая паника?

— Если ты сегодня же не едешь сюда, я приму другие меры, Беслана! Всем они понравятся, но тебе — нет! У меня одна дочь. И терять ее из-за какого-то бандита не собираюсь.

— О, — не выдерживаю я, — ты вспомнила, что у тебя дочь есть? Тогда, когда мне это нахрен не свалилось! А где ты была, когда я действительно нуждалась в тебе? Когда пла-

кала ночами, звала тебя?!

Она молчит, раздражая этим ещё больше...

— Вот именно, мама! Ты жила жизнью, в которой мне не было места! Так с чего взяла, что сейчас имеешь право диктовать, что мне делать?!

Сбрасываю звонок и утыкаюсь лицом в подушку.

Я не буду плакать! Я сказала себе, что больше не буду плакать! Я сказала себе, что больше никому не позволю меня обижать! Не позволю относиться так, словно я игрушка, которую можно пинать в понравившуюся сторону.

Силой стискиваю челюсть и подсакиваю на ноги. Нервно хожу по комнате, а потом решаю отвлечься, позвонив единственному на свете человеку, который меня понимает.

— О-оль, — тяну я нарочито слащаво и беспомощно.

— Лана, ты чего так поздно, случилось что-то? — встревоженно спрашивает подруга, и я выдыхаю... Вот оно — беспокойство во всем его проявлении.

— Да, Оль, все как обычно...

— Снова сбежала? — вздыхает обреченно. — Ну нахрена, скажи? Ведешь себя как ребенок.

— Душат они меня, Оль. В глотке сидят. Постоянный контроль, постоянно смотрят... Даже в носу поковыряться не могу без свидетелей, потому что папа даже в ванной камеры установил, за которыми тетя Лида смотрит! Ну правда, ну просто нет больше сил!

— Ты в курсе, что обычные люди покрутили бы пальцем

у виска, если бы ты им рассказала о своих проблемах.

— У всех свои проблемы, Оль. У меня такие... Но это ещё не всё. Я тут... встряла немного.

— Так, — настороженно меняет тон, — говори.

— Короче нахамила бандюгану, который всей столицей заправляет...

— Что ты сделала? Ты... Лана... — тянет подруга, мелькая истеричными нотами в голосе. — И что теперь? Как выбралась? Что тебе сказали? Что будет?

— Остановись ты, — перебиваю гневный монолог подруги, — папа с охраной успел, поэтому все обошлось малой кровью... Но теперь он боится, что бандит будет меня преследовать... А звонок мамы только ещё больше меня насторожил. Она звонит раз в месяц по минуте... а тут сказала, чтобы я к ней срочно ехала! Ну что за бред?

Подруга какое-то время молчит, а потом уверенно произносит.

— Если даже она встрепенулась, Лан, значит ты правда встряла. Не высовывайся какое-то время и веди себя, блин, нормально! Хватит приключений с тебя. Тот день закончился! Не пытайся своими действиями постоянно себе что-то доказывать. Ты пережила его! Ты справилась! Все давно закончилось!

— Не могу, — в горле образуется трудносглатываемый ком, когда вспоминаю ту самую злополучную ночь, изменившую мою жизнь на «до» и «после». — Я каждую ночь вижу

сон, в котором я такая же слабая, как в тот день! Каждую гребаную ночь вижу, как...

— Успокойся, тише, Лана, все хорошо! Ты уже давно не та девочка. Ты выросла. И стала невероятно сильной и бесстрашной.

— И глупой...

— Нет, просто ты этими действиями пытаешься себе что-то доказать. Не нужно... хватит...

Но маятник запущен... Калейдоскоп воспоминаний, всплывающих в голове, уже не остановить.

Ад, который я каждый день пытаюсь забыть, яркими красками мелькает перед глазами, возвращая туда...

В ту ночь, когда я не смогла... себя защитить...

4 года назад

Меня окутывает холодным, всепоглощающим ужасом, когда вижу несколько пар сальных, направленных на меня, глаз.

Дрожь, бегущая по телу, добирается до самого сердца, заставляя его биться со скоростью света.

Дико тошнит.

Вытираю вспотевшие ладони о платье и медленно отступаю назад.

Их лица плывут из-за заливших моё лицо слез.

— Пожалуйста, — одними губами.

А в ответ лишь усмешка.

— Я хочу домой, — выходит хрипловато, но хотя бы звучно.

— Ты дома, котенок, — скалится мерзкий и до безумия страшный бандит.

Он подходит все ближе и ближе, а я отступаю, вторя каждому ему шагу в обратном направлении до тех пор, пока не касаюсь лопатками чего-то твердого...

Оборачиваюсь и с ужасом понимаю, что «кого-то»...

— Пакуем девку, заебали тянуть. Ее пахан условий не выполнил, значит надо его замотивировать и скинуть видео, — слышу отдаленно его слова, но сути не понимаю.

Мне страшно.

И холодно.

И хочется домой.

— Иди сюда, лапа, — говорит бандит, нависая надо мной.

Взвизгиваю, когда он хватает меня в охапку и запихивает в машину.

Я смотрела много фильмов про похищение и смеялась над главными героями, когда они не могли выбраться из элементарных ситуаций, а теперь я сама такая...

Вместо того, чтобы отбиваться и пытаться выбраться, я просто немею и плачу.

Руки не слушаются, а ноги сотрясаются в треморе. Внутри все колотит. Ощущаю себя ужасно. Словно... меня скоро убьют.

И лучше бы хотели убить, чем то, что случилось на самом

деле...

— Проходи, будь как дома, — издевается бандит, после чего больно толкает меня в сторону кровати.

Пока один настраивает направленную на кровать камеру, остальные медленно обступают ее.

Я взбираюсь к середине и, поджав под себя ноги, нервно раскачиваюсь.

«Папа спасет меня, папа обязательно спасет меня».

— Готово, — говорит их главный, а потом подходит к кровати и начинает... стягивать с себя рубашку.

Если я думала, что до этого момента боялась, то нет! По-настоящему страшно мне становится сейчас, когда огромная массивная туша надвигается на меня.

Я прекрасно осознаю, что именно он хочет сделать. Осознаю... и впадаю в откровенный, поглощающий меня ужас.

— Умоляю! Хотите, на колени встану? Умоляю! Пожалуйста, я хочу домой! — соединяю ладони в умоляющем жесте, но какой смысл молить о милости у дьявола?

Когда огромные бугаи держат меня за руки и за ноги, а тот, что посередине, тянет свои руки ко мне, я закрываю глаза и просто думаю о солнце, море, пляже, папе...

Я больше не двигаюсь, не сопротивляюсь...

Я принимаю то, что произойдет.

Я слабое, незащищенное, амебное существо. Была бы сильнее, не допустила этого... Была бы сильнее, дала бы отпор... но я не такая...

За принудительной прострацией не замечаю, как атмосфера комнаты меняется: громкие крики, шум треснувшей мебели, грохот тел и топот ног.

Осторожно открываю глаза и оглядываюсь: вокруг меня лежит куча тел... Взвизгиваю, увидев на них кровь, и тут же оказываюсь в коконе теплых рук.

— Тише, маленькая, тише, закрой глаза. Закрой, — гладит меня по голове какой-то парень, прижимая лицо к своей груди.

И, на удивление, так хорошо становится. Так тепло. Наверное, моя нервная система нуждалась в передышке... И, почувствовав хоть небольшое послабление, полностью сдаюсь.

— Пожалуйста, отвезите меня домой, — плачу, уткнувшись в темную футболку, боясь оторвать от него лицо и снова увидеть ужасы жизни.

— Все закончилось, слышишь? — продолжает гладить. — Все закончилось. Больше никто тебе не навредит. Твои родители ждут тебя, — он подхватывает меня на руки и выносит из злополучного дома.

А я обнимаю его так крепко, как только позволяют ослабевшие руки.

— Спасибо, — произношу в футболку, стискивая ее в кулаке. — Вы полицейский?

Парень издает что-то вроде смешка и, чуть подумав, от-

вечает.

— Я тот, кто никогда в жизни не позволит никому обидеть маленьких девочек.

— Я не маленькая, — зачем-то пытаюсь опровергнуть.

— Ну, через пару лет может и не будешь... а сейчас всё равно маленькая.

— Я слабая... — вырывается у меня то, о чем думала с того самого момента, как меня похитили.

— Тогда стань сильной, — говорит стальным голосом. — Стань настолько сильной, чтобы больше никогда не допустить подобного, поняла меня?

Киваю.

После этого меня передали в руки людям моего отца, а я так и не увидела лица своего спасителя. Отец попросил больше не упоминать о событиях тех дней... после них мне и была приставлена эта многочисленная охрана.

Однако с того самого момента я дала себе установку больше никогда не быть слабой! Больше никогда не позволять так с собой поступать! Больше не давать другим чувствовать над собой превосходство.

Наверное, каждый раз, когда я совершаю очередные безумства, я раз за разом доказываю себе, что справляюсь. Что на этот раз я не сломаюсь! Я смогу!

Но сегодняшний случай доказал, что я все ещё та слабая-ка.

И без охраны получила бы по самые гланды!

Радмир

— Кто - кто она? — вскакиваю со своего кресла, боясь ошибиться в услышанном.

— Беслана Салимова — девушка, из-за которой четыре года назад вы убили своего отца.

Голову стискивает жестким шипованным обручем и давит, давит...

Ебануться просто...

Эта дерзкая сучка — дочь Салимова? Та самая девочка, которая дрожала в моих руках, пока я злой нес ее к родителям? Которая умоляла ее не трогать... Которую собирались...

Разворачиваюсь и нервно отшвыриваю стакан с виски в стену.

— Блядь! — вырывается с рыком.

Оперевшись о стол, пытаюсь восстановить дыхание, но нихуя не выходит.

Думал трахну деваху разок - другой, развлекусь с наглой сучкой так, чтобы шелковой стала... а тут.

Бешусь люто.

Никогда ещё не ощущал такой острой потребности в присвоении чего-то. Но с ней не могу, блять! Так, как хотел, не могу!

В голове лишь слезы подростка, умоляющего ее спасти...
Лишь слова о том, что она оказалось слабой.

Стопарю себя на этой мысли и складываю дважды два.
Вот в чем дело...

Я сам создал эту зверицу... Это я дал ей совет стать сильной, но это, блять, не означало надеть сучью шкурку и вилять своим красивым задом без охраны.

— Бесл-а-ана, — смакую на языке ее имя.

Самоуверенный бесенок, который нашел себе на зад приключений.

Что ж. Я люблю совмещать приятное с полезным. И тут, мой строптивый бесенок, ты мне очень поможешь...

— Ас, — зову помощника, — на следующей казни хочу лично принять участие. И не я один... Хочу подготовить грандиозное представление для одного человека, — глаза помощника вопросительно расширяются, но я лишь скалюсь от предвкушения охоты...

Чувствую себя зверем, заметившим добычу. Она на прицеле, на расстоянии вытянутой руки, но ты терпеливо ждешь, когда сможешь не просто «зацепить» ее, а сожрать полностью.

Глава 4

Глава 4

Лана

На следующее утро папа, как и обещал, приезжает домой. Правда, не с утра, а к обеду.

Быстро пробежав до кухни, достаю дополнительный набор столовых приборов и кладу во главе стола. Если честно, когда не увидела его за завтраком, психанула и не положила приборы.

Думала, опять не приедет.

Но дверь отворяется и пространство заполняет мощная энергетика самого любимого человека на свете.

— Пап, — улыбаюсь, но подходить боюсь.

Переминаюсь с ноги на ногу и нервно дергаю рукав кардигана.

— Иди сюда, дорогая, — папа в пригластительном жесте разводит руки, и я тут же срываюсь с места, чтобы через секунду утонуть в терпком аромате его парфюма и крепких объятиях рук.

— Прости, — хлюпаю носом, но он лишь смеется.

— Так себя ведешь, будто я тебя ремнем воспитываю. Если бы за каждую твою выходку я наказывал тебя, может их

стало бы меньше?

Отстраняюсь и смотрю ему в глаза.

— На этот раз же все серьезно, да? Раз она тоже позвонила...

Отец устало выдыхает и тянет меня за стол.

— Давай поедим, Беслана. Я должен с тобой поговорить на очень важную тему. Твоя мама звонила мне вчера и мы с ней приняли очень важное для твоей жизни решение. Тебе придётся смириться для твоей же безопасности. Твоя выходка не просто глупость. Она — угроза твоей жизни.

Стою, стиснув от шока рот, потому что если его открою, боюсь, закрыть больше не смогу...

— Не тyani! — на грани истерики. — Что вы придумали на этот раз?

— Боюсь, тебе это не понравится...

— Не понравится что? — жду своего приговора, внутренне натягиваясь, как струна.
— Мы с мамой решили, что безопаснее всего тебе будет выйти замуж.

Брямс. И перетянутая струна лопається, делая инструмент непригодным для существования, бесполезным...

Мотаю головой из стороны в сторону, как заведенная кукла... Не могу поверить, что слышу это от папы... Не могу поверить, что после всех слов любви он говорит именно это!

— Максим имеет огромную власть. В свои тридцать два он уже опытный прокурор с большими связями. Если кому-то я и смогу доверить тебя, то только ему.

— Осознаешь, что сейчас меня как корову на базаре пристроить хочешь? С чего я должна замуж за него выходить? Охрана не справляется?! — собираю все силы и со злостью выпаливаю, вскочив со стола.

— Сядь, — в приказном тоне. — Я не закончил.

— Прости, ты не закончил, но я уже по горло сыта! — направляюсь в свою комнату, но холодный тон намертво припечатывает к мраморной плитке.

— Беслана, если ты сейчас же не вернешься, я велю расписать вас завтра же! Не заставляй меня идти из крайности в крайности! — кричит отец, заставляя меня вздрагивать после каждого слова. — Я пытался нормально до тебя информацию донести, но, видимо, слишком избаловал тебя!

— Позволить мне самой решать с кем провести остаток жизни — это значит баловать? Почему тогда сам с мамой развелся?!

— У нас с твоей мамой совершенно другая ситуация. Что касается тебя. Максим очень порядочный мужчина... — отец перечисляет все его положительные качества, но я до сих пор на этапе осмысления информации о моей свадьбе, поэтому с радостью все пропускаю. — Он сделает тебя счастливой. Когда я показал твои фотографии, он глаз от тебя отвести не мог, сразу предложил не медлить...

— Вот ты вроде умный мужчина, пап! С чего незнакомый мужчина будет желать жениться на девушке, которую видел лишь раз, и то на фото? — не унимаюсь я, потому что все

кажется откровенным бредом.

— Хватает того, что он знает меня! — отрезает отец и на этот раз сам встает из-за стола. — Я дам тебе время подумать. Посидишь дома, примешь решение. Но после того, как завтра встретишься с Максимом.

— А меня ты не забыл спросить?

— Не забыл поставить перед фактом. Ты ведешь себя как ребёнок, так почему я вообще должен давать тебе право выбирать?! Сейчас для меня самое главное — обеспечить твою безопасность на случай...

Он запинается, а у меня ноги подкашиваются.

— На случай чего? — голос преломляется от внутреннего спазма. — Пап? Тебе что-то угрожает? Или... ты что, ты...

— Это не твоя забота, милая, — его голос меняется. Он становится тихим, усталым. — Пока я ещё что-то могу решать в своей жизни, я сделаю всё, чтобы ты была в безопасности, счастлива и ни в чем не нуждалась. И даже если ты сейчас не понимаешь меня, не страшно. Надеюсь, что когда-нибудь поймешь.

Он выходит из дома, хотя обещал провести этот день со мной...

Одинокая слеза стекает по щеке, но ощущается, словно ее место кислотой выжигают.

Господи, если с папой что-то случится, я не переживу...

Глава 5

Глава 5

Радмир

Все эти дни мне не дает покоя та инфа, что поступила о Беслане. Кручу ее в голове, мозгую, но, блять, все равно не приживается.

В голове сидит знатно, сучка. И не вывести, нет лекарства.

Всегда был избирателен в девушках. Не трахал направо-налево. Максимум сосать позволял, и то в резиновом обмундировании, и чтобы не прикасались... Чтобы даже пальцем не трогали!

С детства такой. Постоянно видел, как отец напивался и ебал то одну, то другую... а после этого шел и избивал мать. В тот момент мне казалось, что это из-за женщин.

Я ненавидал их всех, потому что хватало того, что из-за них страдает одна... единственная. С тех пор не терплю прикосновения.

Конечно, это не значит, что я шарахаюсь каждый раз, когда меня трогает какая-нибудь красотка. Просто расставляю границы и ставлю перед фактом, что больше она так делать не будет.

Но Беслана...

В тот гребаный день, когда узнал, что отец шантажирует Салимова дочерью, окончательно взбесился. А новость о том, что тело мамы нашли повешенным в холле нашего особняка, усугубило ситуацию.

Гнав на полной мощности, я быстро приехал домой, ввалился в холл и, падая на колени возле обмякшего тела, окруженного охраной, уткнулся ей в волосы. Она никогда не была настолько ледяной.

За всю свою жизнь, я первый раз почувствовал холод от мамы.

Крепче сжимая ее тело, будто это могло продлить уже разрушенную между нами связь, я, скрипя зубами, стонал от невыносимой боли, разъедающей нутро.

Казалось, будто вся злость, скопившаяся годами на отца, вырвалась наружу вместе с гортанным рыком, направленным в небо.

Я уже знал, что сделаю с ним. А информация о том, что ещё и подросток может пострадать, лишь дала ему небольшую отсрочку.

Оставив ненадолго маму, я приказал начать приготовления к похоронам, а сам, взяв с собой всех верных мне быков, поехал спасать девчонку.

Ее маленькое хрупкое тело, лежащее на кровати в окружении стаи моральных уродов разбудило во мне гребаного монстра.

Переломив нескольким из них хребет, я силой душил

главного, пока не послышался хруст шейных позвонков и не показались закатанные в агонии глаза.

Я бы соврал, если бы сказал, что убийства таких тварей не приносят мне удовольствие... я питаюсь их страхом. Тем самым, которым они также питались, но только от подростка... ребёнка!

Сам не понимаю, как оказался возле девочки и уже гладил ее волосы. Подняв ее на руки, я не хотел ее отпускать. Мне казалось, что если я отдам ее кому-то, ей снова причинят вред.

Охренел, когда ее рука, висевшая безвольно, каждый раз задевала мою. И при этом меня это не раздражало. Потому что эта девочка в моих руках была другой...

Душил в себе противоречивые эмоции, напоминая себе, что ей шестнадцать, и именно поэтому ее прикосновения и не вызывают такого отторжения.

Вернул ее соглядатаям ее отца и решил больше никогда не вспоминать о том, что испытал в тот день.

Я стыдился этого. Потому что не считал себя моральным уродом. И потому что не хотел признаваться в том, что на этом свете все же есть девушка, которую мне хотелось... обнимать.

Однако для меня это лишь гипотеза. Вспоминая сучью натуры повзрослевшей девчонки, я уже сомневаюсь, что захочу «обнять» ее, а не раком поставить. Мне просто необходимо в этом убедиться. И если я окажусь прав... моя жизнь

изменится.

Глава 6

Глава 6

Лана

Всю ночь ворочаюсь от терзающих голову мыслей, из-за чего наутро просыпаюсь в настроении злого огнедышащего дракона.

А постановка меня перед фактом о сегодняшней встрече с предварительно одобренной кандидатурой моего будущего мужа распаляет ещё больше.

Наспех накинув на себя синие джинсы, белую футболку и захватив кожанку, обуваю белые кеды и выхожу из дома.

— Доброе утро, Беслана Эдуардовна, — воодушевленно подхватывают мой темп подоспевшие стервятники.

— Везите, — открываю дверь одной из сопровождающих меня машин, — не хочу напрягать даже палец из-за него, — добавляю в ответ на удивленные лица охранников.

Конечно, ведь я с момента получения прав не позволяла им меня куда-то меня возить.

А сейчас пофиг. Пусть хоть на другую планету везут. После разговора с папой, я сомневаюсь, что ещё распоряжаюсь своей жизнью.

До ресторана, в котором состоится наша встреча, доезжа-

ем быстро.

Захожу внутрь на удивление одна и, окинув пространство возле себя взглядом, выдыхаю. Думала, будут даже на встрече присутствовать, чтобы не дай Бог упустить что-то и не доложить отцу.

В ресторане царит полумрак и тишина. Ну конечно... Он пуст. Забронирован лично для нашей встречи. Интересно, прокуроры в нашей стране действительно столько зарабатывают?

Прохожу вглубь зала и натыкаюсь на взгляд ярко голубых глаз. Заметив меня, он улыбается и, взяв лежащий рядом букет кустовых роз, направляется в мою сторону.

По пути успеваю его разглядеть: идеальный классический костюм, темные, слегка откинутые назад волосы, небесного цвета глаза, прямой аристократический нос и четко очерченные губы. А ещё ямочка... прямо сейчас, когда он улыбается, смотря на меня.

— Доброе утро, Лана, — говорит прокурор, а я замираю от того, что не чувствую внутреннего отторжения.

Мне нравится его внешность, его голос, даже его парфюм, отдающий перцем и немного цитрусом.

А ещё... Лана... Откуда он знает, что меня раздражает, когда меня называют полным именем... Неужели перед нашей встречей папа выдал всю мою подноготную?

— Доброе утро, — беру букет и... улыбаюсь в ответ? Я что, действительно это делаю?

— Прекрасно выглядишь, — оглядывает мой домашний наряд Максим, после чего издает короткий смешок, — если думала, что обтягивающие джинсы меня оттолкнут, то ты ошиблась... твоя задница в них как на ладони просто.

— Моя... что? Ты не охренел? — выпадаю от беспардонности и наглости. Он ещё и забавляется?

— Расслабься, я не хочу этого напряжения между нами. Ты словно проволокой обмотана, на которой висит табличка «не тронь — ебану».

На этот раз не выдерживаю и тоже смеюсь.

— Мне кажется, тебе было бы полезно получить разок, — подхватываю его фамильярный разговор.

— Думаю, у тебя ещё будет возможность мне это продемонстрировать, — улыбается одними губами, после чего подает локоть.

Я смущенно подаю руку и иду с ним к столу. Не скажу, что сразу после этого он понравился мне, но и негатива к нему я теперь не ощущаю. Хочется лишь понять его мотивы участия в этом дурдоме, потому что сейчас он кажется мне достаточно вменяемым, чтобы понять, в какое дерьмо лезет.

— Ну, давай к делу, — предпочитаю рубить на корню, — сколько пообещал тебе мой отец? Зачем тебе это?

Он с ухмылкой смотрит на меня, а потом уже серьезное добавляет.

— Твой отец помог мне, когда я в этом очень нуждался. В любовь я не верю, поэтому когда Эдуард озвучил его про-

блему, согласился ему помочь. Потому что семью я хочу, но вот жениться по любви... Нет. Веры в женщин тоже нет.

— А мне веришь?

— Так нас не будут связывать чувства, так что все будет строиться сугубо на уважении и взаимопонимании. А для этого нужна полная и безоговорочная отдача обоих, Лана. Потому что если мы поженимся, я не буду петь тебе серенады о любви, но всегда смогу обеспечить безопасность. От тебя лишь требуется верность и уважение.

— И что это за жизнь будет? Разве тебе не хочется построить семью с той, которую полюбишь? К которой будешь лететь домой, только бы поскорее увидеть?

— Ты рассуждаешь как ребёнок, но в этом есть своя прелесть, — улыбается он, а меня передергивает от того, насколько он хладнокровен.

— Просто я хочу именно такого. Чтобы сердце трепетало. Чтобы колени подкашивались. Чтобы дышать хотелось лишь им...

Его глаза темнеют. Кажется, будто зрачок полностью окутывает радужку.

— Я постараюсь сделать всё, чтобы ты смогла меня полюбить, — говорит он, а у меня мурашки бегут от его интонации.

— Я, может и смогу. А ты?

Он молчит, глядя мне в глаза, а после этого побеждено отводит взгляд.

— Обречь меня на заведомую невзаимность — жестоко. Не хочу такую безопасность, где могу страдать больше, чем в руках у врагов, — поднимаюсь со стула и хочу уйти, как он останавливает меня за руку.

— Лана, ты же понимаешь, что уже все решено. Сейчас твоя безопасность на первом месте, — холодно отрезает он. И я вижу в его глазах неподдельное волнение.

Вырываю руку и повышаю тон, начиная злиться.

— Что с папой? Почему он не говорит мне из-за чего весь переполох? Почему нельзя охрану оставить? Зачем, блин, замуж?

— Его убирают с должности, — резко перебивает Максим.

И... я выдыхаю. Ожидала услышать что угодно, но этот вариант — самый терпимый из всех.

— Слава Богу, — шепчу под нос.

— Что? — недоуменно смотрит на меня.

— Я боялась, что он болен... или ещё что-то. Поэтому эта новость не такая уж и страшная...

— Эта новость страшна для тебя. Потому что когда он покинет пост, не останется ни денег, ни охраны...

— Я не хочу этой свадьбы, Макс. А значит ее не будет, — произношу спокойно, потому что на сто процентов уверена, что сорву ее, чего бы мне это не стоило.

— Я не жду от тебя понимания сразу же. Но ты должна поверить, что я всегда рядом... пусть даже как друг. Ты мо-

жешь позвонить мне в любой момент. Да и... я бы действительно хотел узнать тебя поближе.

— Мне приятно, — беру сумочку и лежащий на столе букет. — Спасибо большое за цветы, они прекрасны. И, думаю, наше знакомство прошло даже лучше, чем я себе представляла, поэтому хорошо. Я подумаю над тем, чтобы быть хотя бы друзьями.

— О большем я и не прошу.

Мы прощаемся, после чего я быстро сажусь обратно в машину и еду домой. По пути набираю сообщение Оле:

«Срочно приезжай ко мне с сестрой. Новости вселенского масштаба».

«Эмм... Ладно, буду через час, а чего так срочно-то? И нафига Машку брать?»

«Мне нужна ваша помощь. Хочу сбежать от охраны. А вы мне поможете».

Глава 7

Глава 7

Лана

Добираемся до дома быстро. Предупреждаю охрану о гостях и забегаю к себе. Нервно хожу из стороны в сторону, по привычке кусая ногти.

Черт возьми, да зачем мне вообще муж? Я, может, всю жизнь хочу девой ходить. Как же бесит!

Не успокаиваюсь все то время, что жду подругу. Когда дверь открывается и заходит Оля, моментально кидаю взгляд на Машу: миниатюрная, но высокая, моего телосложения и в огромном готовском оверсайзе с капюшоном.

Заговорщически ухмыляюсь, разглядывая девчонку.

— Блин, Лан, мы только на тусу собрались, накрасились. Пойдёшь с нами? Или у тебя как на кичмане? Строгий режим, отбой в восемь?

— Да иди ты, — спрыгиваю с кровати и обнимаю подругу.
— Маш, любишь тусовки?

— Терпеть не могу, — монотонно отвечает неформалка.

— Тогда хочешь остаться у меня? Свобода-а-а, фильмы смотреть сможешь.

— С удовольствием, — падает на мою кровать, забираясь

на неё с огромными черными ботинками.

М-да. Ну ничего, закрою на это глаза. Чего не сделаешь ради побега.

— Оль, слушай, знакомый программист уже заиклился камерами на моменте, когда я типо легла спать, поэтому они ни хрена не поймут, если с тобой отсюда выйду я.

— Бля, Лана-а, ты хоть день без приключений можешь? Тебя бандит ищет, замуж выдают, а тебе все адреналина мало?

— Я не из-за этого. Бесит, что меня как товар какой-то на полку выставляют: «Берите все, кто хочет, ток это... ее защищать надо». Как же раздражает! Хочу найти людей, которые доки левые делают. Сбегу на какое-то время, пока все не утихнет... Бабла дофига, заранее наличку снимала.

— Ну ты даешь. И куда пойдёшь?

— По России покатаюсь. Она ведь такая красивая у нас, а я, считай, совсем ее не видела... Хочу на море, в горы, на экскурсии, водопады... — закрываю глаза, представляя свободу. Как же мало нужно для счастья...

— Я, конечно, в очередном шоке от твоих авантур, но ты ведь не откажешься от идеи, даже если я тебе не помогу, поэтому че уж там, давай, — крутит в воздухе руками, — делай то, что у тебя лучше всего получается — твори безбаш.

Улыбаюсь ей и снова обнимаю. А потом мы одновременно резко поворачиваемся на Машу.

— Ну что, Машуля, — медленно подходим, — пора ме-

няться.

Следующие десять минут мы боремся, толкаемся, кувыркаемся на кровати в попытках снять с Маши одежду. Под конец она сдается и, стянув с себя безразмерное худи и штаны, кидает их в мою сторону.

— Заебала, на, — швыряет сначала один ботинок, потом второй. — А я заберу твои часы, — кидается к полке, на которой стоят мои красивые, а я, скрепя зубами, терпеливо не двигаюсь.

Пусть забирает. Моя свобода сейчас важнее часов, стоящих целое состояние.

Напоследок делаю несколько записей на диктофон и отдаю его укрывшейся под одеялом Маше.

Переодевшись, кидая в сумку сменную одежду и обувь и, натянув капюшон пониже, выхожу с Олей из комнаты.

Идем медленно, стараясь не привлекать внимание.

— Беслана Эдуардовна осталась в комнате? — спрашивает один из амбалов.

Нет, блять, третей по воздуху плывет. Ну что за идиоты.

— Да, можете сами проверить. Она расстроилась... Мы ее успокоили, и она уснула.

Сердце гулко колотится в груди. Кажется, что вот-вот они меня раскроют.

— Девчонка голову поднять не хочет? — говорит второй и делает шаг в мою сторону.

Боже. Сейчас он стянет с меня капюшон и все насмарку.

Один шаг, второй, третий.

— Сними капюшон, — звучит грозное на ухо, и я до скрежета сжимаю зубы.

Вот и свобода...

— Аа-а-ааа, — слышу записанные ранее на диктофон свои же стоны и глупо улыбаюсь.

— Слышали? Идите, мож ей плохо там, — рывкает Оля, прижимая меня к себе ближе.

— Да походу очень хорошо, — бубнит амбал, но вперёд все же проходит.

— А то сестру мою тут как на досмотре терроризируете. Кичман чистой воды... Пойдем, Маш, пойдем, — тянет к выходу, сильнее прижимая к себе.

Ну и Олька! Актриса!

Как только захлопываю за собой дверь Олиной тачки, тут же нажимаю на газ. Снова любимый гормон заполняет пространство моего тела, словно наркотик: плывет по венам, вызывая дикий кайф.

Выжимаю педаль газа и кричу во все горло:

— Да-а-а, черт возьми!

Оля сидит рядом и смеется.

— Угораздило ж с такой шумоглловой сдружиться.

— А сама-то?

— Я ж сама паинька...

— Это ты своему Игорьку рассказывай. А я-то тебя знаю... Кстати, об Игорьке. Ну что там у вас? Когда пиздаст-

радания завершатся долгожданным хэппи эндом? А то я уже устала смотреть серии драмы круг за кругом, — останавливаюсь на светофоре и поворачиваю голову на подругу.

Она заметно сникает. Настроение падает. Черт.

— Он говорит, что любит, но я каждый раз слышу слухи о том, как он спит с той или другой девкой. Запарил уже. Как можно встречаться с таким?

— Так может дело и в тебе? Думаю, он забудет как вообще выглядят другие бабы, когда твоя виноградка, наконец, решится дать сок под ним, — смеюсь и резко страгиваюсь с места, заставляя нас с силой вжаться в кресло.

— Ты неисправима, я ж говорила тебе?! Сама сначала своим советом воспользуйся.

— Вот сегодня как раз намерена! Найду красавчика и изнасилую его! — круто заворачиваю в сторону клуба, не сбавляя скорости.

— Я даже представляю эту картину. Лана такая: «Слышь, пацан. Сиськи нравятся? Да. Ебаться хочешь? Да. Тогда ебись конем!»

Нас разрывает от смеха, потому что это гребаная суровая правда. Я лучше себе палец откушу, чем позволю использовать меня в интимном плане.

Пошли нафиг! Я себя слишком ценю для этого. Хочу влюбиться без памяти. Чтоб колени дрожали, живот бурлил от взбунтовавшихся бабочек, а сердце горели, не давая мозгу даже мысли вставить...

Вот так хочу...

Да клуба доезжаем быстро. Переодеваюсь на заднем сидении, натягивая джинсовые шорты и белую объемную рубашку. Немного спускаю ее, оголяя плечо. Волосы распускаю, позволяя локонам спуститься каскадом по спине. достаю косметичку, делаю несколько акцентирующих мазков, крашу губы блеском и выхожу из машины.

— Ну боги-иня, — тянет Оля, оглядывая меня оценивающим взглядом.

— Ой, да перестань. Даже платье не надела, схватила первое попавшееся.

— Ну-у, это тот случай, когда «подлецу все к лицу».

— Ты себя-то видела? Дочь Зевса и Афродиты...

— Мои родители будут в восторге, — ржет Оля, — вообще-то Афродита дочь Зевса, — толкает меня в плечо подруга и мы, хохоча, заходим в клуб.

Атмосфера тусовки на высшем уровне: зажигательные треки, толпа веселящейся молодежи, куча выпивки, светомызыка и легкий дым, витающий в воздухе.

От обилия полуголых тел на квадратный метр становятся дурно.

Отхожу подальше, к барной стойке.

— Давай выпьем, а то как-то по настроению не дотягиваем, — предлагает подруга, и я с ней соглашаюсь.

Заказав два бокала шампанского, делаю большой глоток и чувствую, как алкоголь медленно обжигает горло от осно-

вания и до самого желудка.

Морщусь, но тут же растекаюсь в улыбке, потому что чувствую опоясывающее тепло. Алкоголь начинает разгонять кровь по организму... то, что нужно.

— Пошли танцевать, — тянет Оля на танцпол.

Звуки музыки отдают вибрацией в ушах. Тело, словно движимое потоком волны, обретает аморфное состояние и живёт своей жизнью. Я выгибаюсь, кручу бедрами, огибаю изгибы тела... Мне так хорошо...

Сквозь пелену морока, ощущаю наглые прикосновения чужих рук на своей талии... И пока до меня доходит, что кто-то нарушает моё личное пространство, я уже стою повернутая к парню, губы которого находятся в сантиметре от моих.

Хочу врезать ему, оттолкнуть, но не могу. Силы словно высосали. Их нет...

— Иди нахер, — толкает парня Оля и принимается вытаскивать меня из танцпола.

— Куда пошли? Это моя телка, — слышится в спину, но я не могу даже голову повернуть. Состояние нестояния.

— Телку в трусах своих увидишь, — показывает ему фак подруга, а я только и могу, что закатиться смехом. — О-о, подруга. Дела совсем плохи! — сажает меня на стул, а потом сильно двигает к стойке, придавливая, чтобы я не свалилась.

— Спасибо, — голос двоится, и я падаю головой на свою руку.

— Воды ей, пожалуйста. С непривычки развезло навер-

ное.

Она протягивает мне стакан, и я залпом выпиваю его.

— Так, сиди тут, я пойду твою сумку искать. Ты ее выкинула там на танцполе где-то. Никуда не уходи! Тебе в себя прийти надо!

Я лишь киваю. Куда я уйду?

Глава 8

Глава 8

Радмир

Уведомления охраны о том, что мой бесенок покинула дом без охраны, заставляют начать немедленную реализацию плана.

Отследив маршрут Бесланы, понимаю, что движется она в сторону клуба. Лучше не придумаешь...

Организовываю подготовку склада, отправляю туда своих людей и очередного морального уroda, с которым давно хотел лично расправиться.

Направляю в клуб заранее нанятую девку с небольшим подарочным пакетиком. Ее работа состоит в том, чтобы подкупить официанта и подмешать «подарок» моей гордячке. После чего помочь ей «дойти» до нужного места.

Сию в ожидании и не могу найти себе места. Кажется, словно сам себя в ловушку загоняю. Мысль о том, что подослал человека подсыпать Беслане препарат, воротит горло.

Я дышать не могу!

Как же хуево ощущать это щемящее давление в левой стороне груди.

Не выдерживаю и срываюсь в клуб. По пути решаю, нахуй

с этим ебаным планом и запугиванием. Я же не мой отец. Неужели не смогу приструнить ее сам? Найду способ сблизиться с ней.

Может, поухаживаю?

Пара букетов и красивых слов и расстелется передо мной как миленькая. Сам в ахуе от этих мыслей, но ахуй-ахуем, а я уже стою возле входа в заведение и думаю, заходить или нет.

В сомнениях беснуюсь недолго.

Рывком тяну на себя дверь и захожу внутрь. Атмосфера помойки никогда не вызывала восхищения. А клубная атмосфера сродни мусорки: много всего и воняет.

Глазами ищу свою фурию и стопорюсь. Грудь начинает пульсировать, в носу горит от чересчур быстрого дыхания. Кулаки чешутся, чтобы разломать тут все, когда вижу, как Беслана в своих шортах, больше похожих на трусы и ничего не скрывающей рубашке, трется о пах какого-то уебка. Он трогает ее... сжимает ее талию, разворачивает и склоняется, чтобы...

Отворачиваюсь, нервно приводя дыхание в норму, но никуя не выходит. Агония собственничества внутри тела плавно трансформируется в ярость и жестокость.

Выхожу из клуба злой до чертиков.

И я хотел за ней ухаживать?

Зверею на самого себя за эту тупость, за эту мимолетную слабость! Как хотел изначально ее лишь нагнуть, так и сделаю.

Новости о том, что мы уже были знакомы, размылили представления о ее действительной натуре. Я забылся. А когда это происходит, я проигрываю, жёстко попадаю и огребаю по полной.

Такое уже было раз. Больше не допущу.

Глава 9

Глава 9

Беслана

Неужели голова так кружится от одного бокала шампанского? Невольно заставляю себя вспомнить предостережения отца относительно выпивки в ночных клубах, и до меня, наконец, доходит.

— Лана, пошли танцевать, ты уже отошла? — тянет подруга за руку, но я отмахиваюсь от неё, чувствуя, что со мной явно что-то не так: зрение затуманено, дышать трудно, сознание размыто.

Спрыгиваю с барного стула и, качаясь, по стенке дохожу до туалета.

Понимаю, что нужно вызвать рвоту, пока не поздно.

Как назло, все кабинки заняты... Нет времени ждать! Пока эта гадость окончательно не всосалась в мой организм.

Выбегаю на улицу и жадно хватаю ртом воздух.

Тебе плохо? — спрашивает незнакомая девушка, лицо которой даже рассмотреть сложно.

— Туалет...

— О, малыха, пошли со мной, — берет меня под руку, за что в этот момент я ей не то что благодарна... новенькую

Bentley отдать готова. — Я тоже постоянно бешусь, когда за-пираются в туалете, чтобы потрахаться, а нам даже пописать негде. Так что не переживай, доведу куда надо.

Мне становится все равно на ее вульгарный тон, в этот момент я просто ей та-а-к верю. Голос кажется таким нежным, добрым...

Но потом я смаргиваю морок с глаз и даже немного прихожу в себя, когда оказываюсь посреди темной улицы... совершенно одна.

Сознание тут же подкидывает обрывки воспоминаний из далекого прошлого, о котором мечтаю забыть, автоматом вызывая рвотный рефлекс.

Ну вот, и пальцы не понадобились...

Сижу на корточках несколько минут, пока не начинаю чувствовать себя лучше. Полностью пришедшей в себя, конечно, не ощущаю, но хотя бы в адеквате.

Оглядываюсь и не могу понять, куда идти. Телефона нет, людей на улице тоже.

— Черт возьми! — пинаю валяющуюся жестяную банку, а затем прислушиваюсь и... за ее грохотом об стену слышу... крики?

Подсознательно считаю себя кошкой, потому что в эту же секунду, вместо того чтобы тикать подальше, бегу в сторону мольбы о помощи.

Ну не может дочь министра внутренних дел спокойно относиться к бесчинствам в городе. Особенно когда слышит,

что в ней нуждаются. Даже не просто нуждаются... кажется, кого-то убивают.

Добегаю до склада и осторожно открываю дверь. Сквозь щель рассматриваю огромного мужчину в черной рубашке, брюках и... кедах? Модник нашелся.

Игривая фраза, мелькнувшая в голове, тут же сменяется паническим страхом, когда я вижу, как он отходит в сторону, открывая обзор на прикованного к стулу полуживого человека. Он стонет и кричит о помощи, но бандит хладнокровно подходит к столу, берет с него нож и, развернувшись, одним взмахом вонзает его в голову сидящего.

Нутро сжимает от неподдельного ужаса. Цепенею от увиденной жестокости и забываю, как дышать. Слезы градом стекают по щекам, но шок всё равно заставляет продолжать находиться в прежнем состоянии.

Где гребаный инстинкт самосохранения, черт тебя дери?! Закрываю рукой рот, чтобы не издать ни звука.

И, кажется, теряю сознание, когда бандит поворачивается и вонзает свой острый взгляд в мой мелькающий в проеме глаз. Голова туманится, и я заваливаюсь назад, судорожно пытаюсь перебирать ногами, но их будто невидимыми путами сплели. Я иду и спотыкаюсь. Встаю и снова падаю. Делаю глубокие вдохи, но, кажется, сегодня я наказана, и кислород мне не светит.

Хватаюсь за горло, расстегивая пуговицы ненавистой рубашки. Не замечаю, как срываю несколько их них, лишь бы

вдохнуть...

Боюсь умереть от страха, нехватки кислорода, гадости, которую мне подсыпали, а в итоге умираю в моменте, когда слышу совсем близко за своей спиной:

— Рыпнешься, распотрошу и собакам скормлю.

Стою не двигаясь. И не потому, что пригрозили. А потому, что колени трясутся так, что сил идти нет.

— Развернись, — строгое.

И я повинуюсь. Снова встречаюсь с гипнотическими черными глазами и успеваю заметить, что этот дьявол невероятно красив. Таким только в аду на подиуме стоять.... Сознание окончательно туманится, и его лицо начинает плыть...

— Твою мать... — слышу последнее, прежде чем наступает чернота.

Открываю глаза в каком-то темном подвале. Голова раскалывается, но сознание, на удивление, приходит в норму. Я четко вижу помещение, грязь под каблуками... Оглядываю себя и отмечаю порванную рубашку. Воспоминания больно бьют в голову, напоминая о событиях «до».

Черт подери, умудрилась же вляпаться.

— Очухалась? — слышу в темноте голос, а потом, когда он делает шаг на свет, заполняя пространство мрачной аурой, уже и вижу вчерашнего бандита.

Сердце снова начинает исполнять похоронный марш в ускоренном ремиксе, но, на удивление, сегодня уже не так страшно. Хочется понять, что ему от меня нужно и как дей-

ствовать дальше, чтобы выбраться.

Папа наверняка начнет меня искать уже утром. Мне нужно всего лишь время потянуть.

— Ну здравствуй, Беслана, — удивляет бандит знанием моего имени, подбираясь медленно, грациозно, словно барс к антилопе.

Я ему покажу, какая я антилопа! Век не забудет вкуса. Траванется так, что свет белый видеть не захочет.

— Иди к черту! — плюю ему под ноги, замечая, как желваки на его скулах начинают ходить ходуном.

— Если не хочешь в следующий раз это обратно вылизать, то больше так делать не будешь, усекла? — одним лишь его тоном можно убивать людей. И сейчас мне выстрелили прямо в голову.

Сильно сжимаю пальцы на ногах и громко сглатываю.

«Веди себя вежливо, Лана! Нужно время!» — мысленно проговариваю в голове, а затем, выдохнув, спокойно продолжаю:

— Что вам нужно от меня?

— Мне? От тебя? — смеется подлец. — Что мне от тебя может понадобиться? — Его взгляд темнеет, а улыбка сходит на нет, когда он достает платок, а из него окровавленный нож.

Сжимаю себя руками, снова чувствую подкатывающее ощущение отчаяния и страха. Ненавижу эти слабости! С того самого дня ненавижу их испытывать! И ведь обещала себе

больше не делать так!

— Вчера ты увидела то, чего не должна была. Как думаешь, зачем ты здесь?

— Явно не чтобы вам задницу подтирать! Чего тянешь кота за хвост? Деньги? Молчание? Что нужно? У меня влиятельный отец, так что...

Не успеваю я договорить, как он резко вытаскивает уже другой нож и кидает в меня. Руку пронзает дикая боль. Смотрю на рану и вижу — нож задел по касательной и воткнулся в стену позади меня.

Страх возвращается и обретает новую силу, когда понимаю, что деньгами, как в любых других ситуациях, я не откуплюсь. Поэтому меняю тактику.

— Не убивайте! Я никому не скажу о том, что тут видели... — пытаюсь договориться.

— Не убью... язык отрежу, чтоб неповадно было. Да и сосать тебе это не помешает, — ошарашивает бандит, заставляя инстинкт самосохранения окончательно улететь к чертям.

— Верно. Не помешает. Как и отгрызть твой член с корнем, — выпаливаю не подумав, а затем начинаю медленно отступать, мечтая слиться со стеной, врасти в неё, только бы не тронул, не привёл угрозу в действие.

— Ну всё, сучка болтливая, доигралась.

Он хватает меня за горло, приподнимая вверх.

— Да ты будешь умолять меня дать тебе отсосать, — ска-

лится психопат, странно рассматриваю свою руку, сжимающую мою горло, — только бы не загреметь туда, куда красивые задницы сажают за зверское убийство.

Хриплю, дергая ногами, и он ослабляет хватку.

— Видишь это, — тыкает на нож. — Полон твоих отпечатков. Как и куча твоих пуговиц на месте преступления и видео, как ты не в адекват шла к складам. Позабочусь, чтобы никакой папка не отмазал. Так что рот на задницу натяни, и чтобы как мышь полевая рядом стояла и пикнуть боялась.

В страхе киваю, ещё не подозревая, на что подписываюсь.

— А теперь снимай с себя всю эту грязную мишуру. Буду смотреть, что за игрушка мне досталась.

Глава 10

Глава 10

Радмир

— Я-я, — заикается и смотрит на меня испугано, — не буду.

Будешь, сучка, будешь. Как обжиматься с тем утырком, так с удовольствием, а тут скромницу врубила.

— Тогда помогу, — дергаю в разные стороны рубашку, на которой и без того нет пуговиц, наваливаюсь на девушку, прижимая к стене и втягивая ее сладкий аромат с шеи.

Мои руки накрывают ее грудь, заставляя моего дерзкого бесенка скулить от бессилия... И меня это раздражает до чертиков! Хочу, чтоб стонала от удовольствия!

Вспоминаю, как нес ее на руках, когда она вырубилась. Не хило так флешбекнуло в прошлое...

И... Что там я хотел доказать себе? Что не чувствовал к ней отвращение, потому что подростком была?

Хуйня, блять.

Смотрю на неё сейчас и сожрать хочется. Стиснуть в медвежьих объятиях так, чтоб кости трещать начали, чтоб дышать без меня не могла.

Я становлюсь маньяком. Ее личным маньяком. А она...

Мой возбудитель. Мой гребаный красный флаг перед глазами. Мой край света и бездна, шагнув в которую меня ждет пустота.

И я, мать его, шагаю.

Отслеживая ее неравномерное дыхание и вздымающуюся грудь, медленно наклоняюсь. Еле ощутимо касаюсь щекой ее щеки и плавно провожу по ней.

Она стоит напряженная, словно вот-вот взорвется. Пользуюсь случаем и веду носом по ее щеке, приближаясь к губам.

Понимаю, что касалась этими блядскими губами уебка в клубе, но даже это не останавливает от дикого, разъедающего желания смять их, всосать, оттянуть, укусить до крови, а потом зализать...

— Не смей, — проговаривает ледяным голосом в губы, при этом бесстрашно смотря мне в глаза.

— Что? — ухмыляюсь, скалясь, но не отстраняюсь.

— Не смей меня целовать, чертов ты ублюдок! — повышает голос Беслана, выводя меня из себя ещё больше.

Силой хватаю ее за шею, сдавливаю, постепенно усиливая нажим и наблюдая за реакцией.

Гордячка выпучивает глаза, но стоически держит лицо. Какая же упертая...

— Ты сама поцелуешь меня, — шепчу ей в губы. — Ты будешь умолять поцеловать тебя, либо сама поцелуешь, — отпускаю ее и отхожу на два шага.

Она меня правда доведет. С ума сводит, сучка!

Наблюдаю, как согнувшись пополам, судорожно вдыхает кислород и кашляет.

— Я сказал тебе раздеться. Иначе сейчас же приедут мусора и получают все доказательства того, что ты грохнула винного магната.

Вижу в ее глазах страх, который она уже не может скрыть, и улыбаюсь. Бойся, сучка.

Сначала нахамила, потом в голову залезла, а после этого с другим обжималась...

Сукаааа.

— Ас, давай мусоров подго...

— Нет! — ее голос срывается. Чувствую, что напряжена до предела.

Не плачет, но в глазах скопились слезы.

Закрыв глаза, она стягивает с себя сначала одно плечико, потом второе. Отбросив рубашку в сторону, расстегивает шорты, спускает их по стройным ножкам и откидывает к рубашке, оставаясь передо мной в белом кружевном комплекте белья. Скольжу взглядом по идеальным пропорциям стройного тела, и в паху стреляет. Сглатываю скопившуюся слюну, словно пацан малолетний, который первый раз телку голую увидел...

А тут даже не голая, а все равно прет жестко.

— Дальше, — пытаюсь держать голос отстраненным, но хрипотца все же срывается.

— Не буду! — скрестив руки на груди, она, подняв высоко подбородок, нагло смотрит мне прямо в глаза. — Ты не сказал, что нужно снять все! Если не моральный урод, то сдержи слово и отпусти. Я сделала, как ты хотел.

— Я лишь хотел поближе рассмотреть игрушку, — ухмыляюсь. — Разве говорил, что после этого ты свободна? Не-е-ет, кукла, тебе надо будет кое-что сделать...

— И что я должна сделать? — вижу, как нервно дергается ее губа.

Храбрится, а на самом деле боится меня. Да и будучи раздетой, явно чувствует моё превосходство.

— Все просто. Выйти за меня замуж, — сам ахуюваю с того, что выдаю. Но на самом деле, это пиздец как мне на руку.

С ее помощью нагну неггибаемого папашу и обрету полную власть... А после этого можно и место пахана брать.

— Что? — мгновенно леденеет принцесса, поубавив пыл.

Руки опускает, дрожит и пятится к стене.

Не спасёт тебя это, кукла, не спасёт...

А потом делает резкий выпад в сторону двери. Ухмыляюсь, поймав ее одной рукой. Закидываю на плечо и хлопаю по голой ягодице.

— Урод! Пусти меня, ненорма-альный! — кричит фурия, а я лишь улыбаюсь.

— Завтра мы расписываемся, моя прекрасная невеста. Хочу, чтобы ты выпалась перед таким важным событием,

— укрываю ее задницу пледом и бегу с ней к машине.

Мои люди без всяких вопросов забегают в свои тачки, чтобы ехать за нами.

Сажаю ее на заднее сидение и протискиваю подальше. Сам сажусь рядом.

Фурия моментально ползет к другой стороне и дергает за ручку, открывая дверь.

Блять.

Успеваю схватить ее за ногу.

— Ты абсолютно точно ебанутая!

— Пусти! — отбивается второй ногой, но я ловлю и ее.

Подтягиваю ее к себе и нависаю сверху.

— Захлопывай! — обращаюсь к подбежавшим с другой стороны машины быкам.

Они закрывают дверь и заводят машину.

Смотрю на часто вздымающуюся грудь бесенка, и в глазах плывёт от картинок ее предполагаемого наказания.

— Ты в курсе, что будешь наказана за это?

— Ты в курсе, что мой отец тебя на кол наденет? — не сдается фурия.

— На кол? Хорошая идея, дорогая не-вес-та, — толкаюсь в неё оканемевшим членом, и она тут же застывает. Страх попеременно мелькает в глазах наравне с безумием.

Она хочет вытворить очередное бедствие, но на этот раз правда боится.

Стягиваю с неё бретельку бюстгалтера, опускаю голову к

ее груди и обхватываю сосок... Сминаю его губами, жадно вылизывая розовую бусину. Какая же, сука, вкусная.

Руки исследуют ее напряженное тело... Сминаю второе полушарие, бедра, руки...

— Ай, — вырывается у неё, и я, даже будучи затуманенный похотью, поднимаю лицо, чтобы... встретиться с заплывшим от слез ничего не выражающим лицом.

Беслана просто лежит как оловянный солдатик и плачет, глядя в потолок.

Перевожу взгляд на свою руку, до сих пор сжимающую ее предплечье... Черт возьми... я же порезал ее.

— Перестань, — провожу тыльной стороной руки по ее щекам, вытирая слезы. — Тебе не говорили, что мужчины не тащатся от женских слез?

— А тебе не говорили, что женщины не тащатся, когда их насилюют?! — злобно шипит в ответ.

— Вставай, затяну тебе рану на руке, — хочу помочь ей, но она лишь хлопает своими ладонями по моим рукам.

— Не трожь меня!

Поправляет лямку бюстгалтера и садится, отползая по-дальше.

— Иди сюда, я помогу тебе.

— А ты иди в задницу, тебе только там помогут!

— Злишь, бесенок, — рычу, еле сдерживая гнев.

— Бесенок? — выпучивает глаза фурия. — Ты вообще охренел? Себя-то в зеркало видел? Психопат хренов!

— Ты, блять, можешь хоть ненадолго свой рот закрыть? На минуту стать нормальной девушкой, а не дьяволицей с рогами длиной в китайскую стену!

Она строит недовольную гримасу, высоко задирая нос и хмыкая.

— Лицо попроще! Зазвездилась.

— Это заводские настройки! Так что терпи такую, какую родители нарисовали!

Я их кисточки...

— Сюда, сказал, иди! — хватаю за здоровую руку и тяну на себя.

Немного перегибаю, из-за чего она врежется своей грудью в мою.

Член снова пульсирует в штанах, требуя свое. Блять!

Достаю из кармана платок и перевязываю ей руку.

— А теперь отвернулась к окну, и чтобы я тебя не слышал, поняла? — сжимаю ее щеки, нарочно заставляя губы вытянуться.

Как же хочется ее поцеловать... Но, сука, хрен ей! Не стану целовать ее, пока сама не попросит.

Она мотает головой, мысленно соглашаясь. Всю дорогу сидит, не рыпаясь.

Когда подъезжаем к моему дому, открываю дверь и отдаю приказ своим людям ехать домой. Они сразу разворачивают машины и уезжают. Для нас медленно открывают ворота, за механизмом которых я машинально наблюдаю, сам летая в

думках.

Слышу ерзанье на фоне, но стоит мне только повернуться, ахуюваю от резкого рывка за шею, а после этого ощущаю прикосновение теплых мягких губ к своим...

Мгновение, и эта безбашенная фурия уже сидит на моих ногах, обхватив затылок и умело орудуя во рту языком. Всего секунду медлю, давая ей право вести, а потом вгрызаюсь в ее губы.

Виртуозно вальсирую языком, одновременно жадно сминая податливое тело.

Как же она вставляет, как же заводит... С пол-оборота, с одного гребаного взгляда.

Бестия трется своей голой задницей о мой пах, ноготками впивается в голову и шею и целует. Со всей страстью отдается. Позволяет делать с ней все, что хочу: кусать, облизывать, поглощать...

Спускаюсь к ее вкусной шее и провожу по ней языком, вырывая из ее губ протяжный стон.

— Пусть уйдет, — шепчет бесенок, подставляя под поцелуи свою охрененную грудь. Хочется снять с неё этот гребаный бюстгальтер, но она остраняется. — Водитель. Пусть он выйдет, — уже напористее.

— Мих, ушел, — отдаю приказ водителю и снова нападаю на ее рот.

Никогда ещё так сильно мне не хотелось женских прикосновений... Да че там. Я хочу, чтобы меня трогала только

она...

Каждое прикосновение к коже распаляет, словно вводит магму по венам.

Огненная девочка, сладкая, чувственная. Такая ладная...

— С ума схожу от твоих губ, — шепчет мне на ухо, —
позволь..., — скользит своими пальчиками по прессу вниз
и, подцепив за край, стягивает с меня футболку.

Наклоняется и проводит языком по яремной впадине и я
выпадаю... Откинув голову назад, закрываю глаза и даю ей
возможность показать себя.

В голове пустота... она вытеснила все мысли своими при-
косновениями. И я пиздец как этому рад.

Держу ее талию, периодически сжимая пальцами, остав-
ляя свои отметины. Моя...

Беслана ведёт своим язычком вниз, огибая все изгибы
мышц.

— Хочу попробовать тебя, — расстегивает ширинку, од-
новременно поглаживая член.

Кажется, я готов кончить от одного ее прикосновения к
голой коже, но она медлит с боксерами. Расслаблено лежу,
позволяя ей делать со мной, что она хочет.

А потом слышу щелчок и резкий рывок.

Не успеваю даже понять, что происходит. Разум затума-
нен, а в воздухе все еще ее ахуенный аромат витает. А когда
распахиваю глаза...

Твою мать!

Беслана воспользовалась моим состоянием, открыла дверь и выскочила.

Нервно застегиваю штаны и выбегаю за ней. Сучка натягивает на себя мою футболку и бежит по трассе, сворачивая в сторону лесной зоны.

Мой дом находится за городом. Вокруг лес и больше ничего в пределах тридцати километров.

— Куда собралась, дикарка?! — кричу ей в спину.

Злюсь и в то же время как психопат ржу над ее выходкой.

Дебил, бля. И ладно поверил, что целует реально. Но что между ног села...

Бегу за ней, все ещё замечая темную мелькающую шевелюра среди деревьев.

Ну как мог так попасться? Да потому что впервые девка отказывает! Впервые сопротивление вижу. Все же как одна готовы из трусов выпрыгнуть, стоит только посмотреть на них.

Но не она... Дикарка! Фурия! Бесенок...

Оглядываюсь и прислушиваюсь, потеряв ее из виду.

— Больная, тебя звери сожрут тут, вернись! Тут даже машины не проезжают, сдохнешь, бля! — кричу, хер на что надеясь.

В фильмах антигерои тоже кричат, чтобы жертва выходила. И че? Нахуя?

Чувствую себя маньяком. А может и правда подыграть?

— Где же моя дикая строптивая кошечка? Сюда иди, так

накормлю белковой пищей, в жизни больше не захочешь, сучка!

Хруст дерева и снова рывок. Бегу за ней, но она резко меняет направление и... подвернув ногу, падает со склона к речке.

— Блять! — осторожно спускаюсь и подхожу к ней.

Она в сознании, но отползает от меня с дикими глазами и держится за руку. Бля, упала на порез?

— Не рыпайся, иначе изнасилую так, что сидеть месяц не сможешь, — цежу сквозь зубы и, наклонив корпус, перекидываю ее через себя, как мешок.

— Отпусти меня, — говорит спокойно, без спеси. — Что ты тебе сделала? Отпусти, хватит издеваться. Ты уже достаточно намучил меня. Мой папа итак собирается меня замуж за левого чувака отдать, думаешь, я этого боюсь? Давай поженимся, но отпусти, пожалуйста. Не трогай меня... Я все, что нужно, сделаю.

Вообще не ожидаю от неё ничего подобного, а поэтому даже не знаю, что ответить.

Папаша собрался ее замуж выдать?

Внутри поднимается волна ярости. Сжимаю кулаки и сильнее стискиваю в руках девчонку.

— Ты. Никуда. Не идешь.

— Но почему? — бьет здоровой рукой дьяволица. — Ты же сказал, что жениться хочешь! Уверена, для этого есть причины, но тут- то я зачем?

Доношу ее до дома и, открыв дверь, ставлю на ноги.

— Потому что до этого момента не знал, что ты такая охуительно сладкая, — ухмыляюсь, закусывая губу, — спасибо, что показала демо-версию нашей завтрашней брачной ночи, Беслана.

Ее глаза вспыхивают страхом. Она пятится назад, но я крепко держу ее за запястье, а потом рывком тяну на себя, хватая за горло.

— Посмей ещё раз так со мной поиграть, и я оттрахаю тебя так, что не то что сидеть, лежать не сможешь. Не зли меня, бесенок. Мне понравится, тебе — нет.

Глава 11

Глава 11

Беслана

Хочу ответить что-то гадкое, чтобы уколоть, но... боюсь. Чем вообще думала, когда целовать его полезла? Конечно — одним местом!

Хочется закрыть рот подсознанию, которое шепчет, что я как маньячка с берлинским синдромом пялилась на его губы с того самого момента, когда он первый раз меня чуть не поцеловал.

И потом, в машине... он ведь хотел этого, но откинул меня, словно вещь какую-то.

Конечно, я вспомнила его угрозу. Я должна была сама поцеловать его, чтобы он ослабил хватку. Чтобы своих цепных псов распустил.

Когда отдавал им приказ, дверь открыл. Оставалось лишь избавиться от охранника, усыпить его бдительность и... суметь остановиться.

Потому что каждое его прикосновение, каждый взгляд поднимали мое давление.

И сейчас, когда он зло стреляет в меня своими глазами и грубо разговаривает, единственное, что я хочу сделать —

заставить его влюбиться в меня так, чтобы пылинки сдувал, чтобы только со мной мило разговаривал, чтобы я стала его слабым местом...

Если у таких, как он, они вообще бывают. Глядя на разъяренного тигра, мечтаю оказаться его тигрицей, а не куском мяса, которое он проглотит.

Мысленно провожу параллель между ним и Максом. Оба красавчики, оба хотят на мне жениться из-за отца... Ну чем не пчелиная матка, блин.

Молчу и с гордо поднятой головой смотрю на бандита уничижительным взглядом.

— Заходи, давай. Твой дом на ближайшую вечность, — скалится мудак.

Хочется заехать по его красивому лицу, да вот отдачу, боюсь, не выдержу.

— Мой папа заберет меня, — произношу спокойно, садясь на диван.

— Твой папа нихрена не сможет сделать, когда ты станешь моей женой. А если сделаешь какую-нибудь хуйню, лично позабочусь, чтобы тебя определили в самую жесткую женскую колонию, — от его слов хочется спрятаться под одеяло и никогда не вылазить. И этот человек меня привлекает?!

Правильно папа говорил, что я сумасшедшая... Жаль, что для полного понимания мне нужно было встретиться с самым опасным мафиози города...

— Я-я не хочу в тюрьму, — обнимаю свои ноги, кутая их

под объемной футболкой.

— Правильно, — кивает, а сам проходит к бару, достает оттуда бутылку со стаканом и плескает в него оранжевую жидкость. — Потому что таких фурий бешеных, как ты, там ебут палками во все щели, — делает глоток, победно смотря в мои распахнутые от ужаса глаза. — Быстро наверх, завтра будет очень интересный день.

Моментально срываюсь, чувствуя, что он неторопливо поднимается за мной. Оттягиваю край футболки, лишая его возможности очередной раз насладиться стриптизом, как слышу:

— Уже завтра сама раздеваться будешь, к чему эта напускная скромность, Беслана?

— Лана! — огрызаюсь в ответ, резко поворачиваясь у самого конца лестницы. — Ненавижу свое полное имя, меня называют Лана.

— Бес-ла-на, — по слогам проговаривает он, проводя языком по своим зубам. — Я буду называть тебя так, как захочу, поняла меня? — ведет костяшками пальцев по шее, задевая нервные окончания.

Корю своё тело за предательство, но ничего поделать не могу.

Сделав ещё один шаг, он становится впрытик ко мне, а потом рывком разворачивает и, сев на лестницу, сажает меня на себя. Инстинктивно обхватываю его шею руками.

Он наклоняется и сталкивает наши лбы. Это кажется та-

ким интимным. Словно все то, что было до этого, не настолько нас сблизило, как один этот жест.

— Ты... — начинаю я, но он кладет свой большой палец мне на губы, а потом гладит их.

— Дико голова болит. Давай помолчим немного и просто посидим так.

Теряюсь от резкого скачка в его настроении.

Не знаю зачем, но я веду ладонями с его шеи вверх, кутаясь в жестких темных волосах. Немного надавив, делаю круговые движения, как всегда делала отцу. Бандит делает резкий выдох и закрывает глаза, позволяя мне продолжать делать ему массаж.

— Если хочешь, могу сделать и шее. У тебя мышцы напряжены, от этого и голова болит...

Ловлю его растерянный, но между тем недоверчивый взгляд, и отвечаю ему тёплым, заботливым.

— Давай это сюда, — вынимаю стакан из его руки.

— Хорошо, можешь продолжить в комнате, — скептически смотрит мужчина, а потом поднимает меня на руки и заносит в первую от лестницы спальню.

Он садится на кровать, а я тем временем запрыгиваю на неё, став за его спиной. Становлюсь на колени, стараясь не прижиматься близко, но он лишает меня этой возможности, отсев назад так, что его спина полностью лежит на моей груди, а голова откинута на моё плечо.

Начинаю массировать плечи, шею. Делаю нежные погла-

живания, ощущая, как его кожа горит под моими пальцами. Немного отстранившись, тяну его на свои колени. Он ложится и продолжая тяжело дышать, берет мою руку, снова запуская себе в волосы.

Я поддерживаю его приглашение. Делаю ему массаж около получаса, пока не замечаю, что его дыхание становится равномерным и спокойным.

Так я и думала. Стоило лишь немного приласкать, как тут же задрых.

А теперь... валить нахрен от этого ненормального!

Еле дыша, аккуратно приподнимаю голову бандита и, выскользнув из-под него, кладу ее на кровать. Он продолжает равномерно дышать, но страх быть пойманной бьет по вискам огромной битой.

Может привязать его?

Шарю глазами по комнате и цепляюсь лишь за его расстегнутый ремень... Так и не успел застегнуть, когда за мной погнался.

Осторожно тяну его на себя, умоляя Всевышнего сжалиться и не позволить ему проснуться...

Тяну, что есть силы, и, наконец, вытягиваю кожаную «веревку». Берусь за его руки, плавно массируя, чтобы избежать резких прикосновений, которые могут разбудить.

Завожу их за голову и стягиваю вместе с шеей. Спасибо папе, который водил меня на курсы по самообороне. Уж что-что, а узлы вязать из подручных средств я могу.

Не дожидаясь, пока у него затекут руки, спрыгиваю с кровати, предварительно стащив у него с кармана телефон.

Спасибо, Господи, за что, что он кнопочный.

Пока бегу по лестнице, набираю заученные наизусть цифры.

— Пап, — мелькаю истерикой в голосе. — Тот, кого ты боялся, все-таки забрал меня.

— Не выключай трубку, службы уже работают над определением твоего местонахождения. Что ты видишь вокруг?

— Я в его доме, — говорю шепотом, остановившись у входной двери.

Наблюдаю в окно за движениями на улице и понимаю, что охраны либо нет, либо она следит из других мест.

— Пап, я возле выхода. Боюсь идти дальше, вдруг охрана.

— Пока стой на месте, если есть время. Если нет, выходи осторожно, оглядись и беги что есть мочи туда, где много людей.

— Много людей? Здесь пустошь, пап! Лес вокруг! Я уже убегала в лес, ногу подвернула только.

Папа несколько секунд молчит, что-то мельтеша на фоне, а потом снова возвращается ко мне.

— Беги в лес, я уже нашел тебя, люди едут. Держись, моя девочка, — в голосе папы прослеживается страх и нарастающая истерика.

— Прости, папа.

— Я разберусь с тобой, когда ты будешь в безопасности.

А сейчас не выключай трубку и... беги, родная!

И я бегу. Врываясь в одной футболке в прохладное осеннее... уже утро, бегу к воротам.

Шум позади меня заставляет желать проглотить внутренности. Не оборачиваюсь, боюсь. Бок колит, словно в меня палят карабинами.

Дергаю ворота за ручки... Заперто.

Оборачиваюсь и моё сердце делает пронзительный острый удар: на меня несется охрана с огромными доберманами на цепях.

Молю Вселенную о прощении. Обещаю вести себя хорошо. Готова даже вернуться обратно к целующему меня бандиту, только... Кто меня спрашивает?

Один из охранников отпускает цепи и теперь на меня несутся три разъяренные голодные собаки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.